

A glass sphere sits on a dark, wet beach at sunset. The sphere is partially filled with water, and its surface reflects the golden sky and clouds. The background shows a blurred beach and ocean under a warm, hazy light.

ЭЛЕМЕНТЫ

ЭЛЕМЕНТЫ

Воронов Роман

12+

Роман Воронов

Элементы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66077276

SelfPub; 2021

Аннотация

Почему мир таков? Разберем его на элементы и поймем, может быть, почему таковы мы.

Содержание

Книга	4
Святой Огонь	10
Живая Вода	15
Камень	25
Осина	38
Металл	45
Воздух	53
Элементы	63
Голос	71
Потоп	79
Мы все заблудились	87
Желание	95
Простое решение	101

Роман Воронов

Элементы

Книга

Король шуту:

– Мне скучно, шут,
Развей мою печаль и страхи.

Шут королю:

– Я тут как тут,
Вот только голова на плахе.

Король шуту:

– Поставь назад,
Шутить без головы негоже.

Шут королю:

– Да я бы рад,
Но он забрал и ноги тоже.

Король шуту:

– Ну ты хохмач.
Да кто же он, что за зараза?

Шут королю:

– Все взял палач
Согласно вашему указу.

Не хотите заглянуть в Книгу, на обложке которой золотом выбито ваше Имя? Нет – скажут одни, и будут правы. Кроме фактов, вызывающих тяжелый стыд, багровение щек и жгучее воспламенение ушных раковин, вряд ли вы найдете внутри что-нибудь достойное. Если это не так и вам есть за что не краснеть перед собой, не раскрывая фолиант, взгляните на обложку – там стоит имя Христа. Посмотрели? Нет, имя все еще ваше? Тогда уши непременно придется остужать.

Найдутся и другие, кто скажет «да, хочу», и также будут правы. Взглянуть все-таки есть на что.

– А где же ее взять? – спросит любопытствующий.

Там, где хранятся все Книги, в Великой Библиотеке, и, предугадывая следующий вопрос, где же найти ее, эту Библиотеку, сразу же отвечу: не под лапами Сфинкса, не в горах Тибета и не на обратной стороне Луны. Великая Библиотека вокруг вас, а вы внутри нее, всегда, с момента рождения. Здесь и после развоплощения Там. Не видите ее? Ваши глаза в испуге закрылись перед Жизнью. Не ощущаете на ощупь ряды книг и не слышите гула собственных шагов меж книжных полок? Ваши руки в карманах вцепились в нажитое, боясь выпустить из пальцев приятное разуму имеющееся, а в ушах ваших поселились слова, выпавшие изо рта, но не рожденные сердцем, от того и не слышно, и не видно вокруг ничего, кроме иллюзорного бытия, слепленного иллюзорным же страхом.

А ведь было время Крестовых Походов под знаменами Чистой Идеи, когда забрала были подняты, чтобы очи видели Истину, а руки не прикасались ни к чему, кроме Меча Вдохновения и Щита Спасения, уши же слышали стук сердец своих соратников и братьев на Пути. И сверкающая латами на солнце, несокрушимая в своей Правде лавина Ищущих растекалась по узким проходам Библиотеки, скалывая невзначай броней деревянные углы книжных полок, сотрясая с них пыль векового покоя и жадно высматривая на корешках стоящих, будто вражеские полки, ровными рядами книг собственные имена. Те, кому посчастливилось в пылу сражения найти себя, касался заветной цели и исчезал на страницах Книги, меняя кровь на чернила и преобразая плоть в буквы. Остальные мчались дальше, влекомые бурным и непредсказуемым потоком Поиска в надежде узреть среди множества мелькающих имен свое и, зацепившись за него, стать строчкой, записью, чернильной дорожкой на страницах Великой Книги, затерявшейся в бесконечных полках Библиотеки.

Но пески Забвения неторопливо наступали на оазис Знания, сначала в виде пыльных облаков под копытами наших лошадей, мчащих за Истиной, затем подступив к нижним полкам с Первыми Записями, выбитыми на каменных табличках и нацарапанными на коре дров. Нам пришлось спешиться, лошади по пясти увязли в песчаных дюнах, отчего полет мысли перешел на прогулочный шаг, а желание откапывать погребенные знания отпало само собой. Век иде-

альных Крестовых Походов закончился. Ученикам Христа пришлось устанавливать книжный шкаф Христианства прямо на зыбучие пески, подперев его Крестом Распятия и подложив под угол Библию. Но Забвение не склеивает песчинки, конструкция пошатнулась, стала оседать, и с полок посыпались Книги-Имена, запуская водопад Земных Крестовых Походов, обнаживший, к сожалению, людские пороки и слабости.

Христианство не рухнуло, но склонилось, подобно башне из Пизы (что возведена была хронологически позже, но как олицетворение ошибок создателей ее и Всепрощающей Руки Господа вполне подходит к повествованию), опершись на груды копий, щитов, доспехов и сломанных жизней. Гора осыпавшихся Книг стала неотличима от горы черепов тех, кто, прикрывшись Именем Бога, взял в руки оружие и отправился лишать жизни, дарованных Богом.

Оттого-то так легко может соскользнуть вниз всяк, именующий себя христианином, что есть угол наклона между Осью Христа и Книгой-Именем, ибо основание Христианства на песке подмен и переписок и оторвано от скалы Истины.

– Как же удержаться от греха, коли неустойчив не я, а самое местонахождение моего «Я»? – спросит читатель, у которого еще осталось желание послунывить пальцы и раскрыть себя.

В неустойчивости вся суть Божественного замысла относительно тебя, мой друг. Наклон создает Свободу Выбора,

нет угла – нет выбора, а у тебя он есть, ты счастливчик. Но вернемся к книжным полкам. Можешь держаться за край одной рукой, можешь двумя, но помни об истине, что подпирает один из четырех углов Христианства – «пусть правая рука не знает, что делает левая». Матфей – о милостыне, мы же имеем в виду Выбор. Пусть одна часть тебя, поддавшись соблазну, разомкнет пальцы, вторая, не ведая о том, удержит тебя на месте. Оступился, но не упал, остался на Пути, Бог уберег по намерению твоему, а отпустишь обе – так и быть, сделал осознанный выбор. И Бога не упрекнешь, и не укоришь Его о последствиях, но только себя.

Когда же глаголишь «верую», а в самом сомнения, как клопы садовые, что отравят ягоду, и вот она лежит на руке спелая, но зловонная – видит око, да на зуб не идет, тогда знает рука правая, что делает левая.

Когда же глаголишь «люблю истинно», а сам ждешь платы повышенной, словно торговец, расхваливающий товар порченный, прикрыв его сверху оберткою нарядной, тогда знает рука правая, что делает левая.

Когда же глаголишь «во Имя Христа сие», а под Христом себя понимаешь, знай, что и рукой правой твоей, и левой водит Лукавый, а он-то и с полки спихнет, и на полке оставит – все едино ему, поелику имя твое на корешке мелкими буквами стало и не видно почти, а на обложке заглавными уже Его и не златом, а кровию твоей. Вот уж кто точно знает, что делает – одной рукой трясет, чтобы имена падали, а

другой удерживает, иначе, если рухнет все, так и его придавит, а грохот утихнет, и пыль осядет, что на обломках Христианства вырастет, ему не ведомо, это-то и страшит. А пока, прикрываясь Христом, творят человеки противное словам и делам Его, и такое Христианство удобно Антиподу – намалюй крест красной краской на полотнище белом, сыграй сбор, выкрикни Имя Спасителя, да погромче, и потянутся обряженные в железо и железом же обвешанные смертью жизнь попить (вот вам правая рука) во славу того, кто смертью смерть победил (это уже левая).

Если все еще хотите открыть Книгу с Именем своим – сделайте это, пока надпись не исчезла.

СВЯТОЙ ОГОНЬ

Не то ли пламя свято, что, души коснувшись,
Не опалит ее в объятьях Света.

Душа, не в то ли пламя окунувшись,
Сама покинет плоти тенета.

Войдешь в Храм, когда готов будешь или желание возымеешь столь великое, что и хотел бы мимо прошествовать, да не выходит, ноги сами к ступеням храмовым понесли, не пугайся сему происходящему с тобой, ибо таково обоюдное тяготение Источника ко всему рожденному им, а всего сущего – к Истоку. Оставь за стенами треволнения бытия и волны возмущения покоя, испускаемые внешним миром, а также образы, что владеют плотью твоей, все пусть ждет за тяжелой плотно притворенной дверью, окованной снаружи узорами Надежды, а изнутри символами Веры. Выдохни из легких воздух, пропитанный людской болью, желаниями и страданием, дай парусам упасть на реи перед тем, как они наполнятся, словно перси мадонны, принявшей в руки младенца, свежим молоком, таким же свежим ветром – всему нужен штиль после бури.

Теперь впусти в себя дух свободы, насыщенный ладаном, миррой, отзвуками песнопений, висящих под куполом нефа,

и свечением очей тех, кто достоин взирать на тебя из-под иконных окладов, с фресок стен, с самих Небес Обетованных. Сейчас ты целиком в Храме, ты принадлежишь ему, а он весь твой – от крестов, облюбованных стрижами и воронами в качестве наблюдательных пунктов, на куполах и шпилях до каменных подвалов, прячущих старинные надгробия, мощи святых и монастырские вина – Христову кровь, запертую в поседевшее от паутины стекло. Ты и приход, и священник, и служба, и нищий у ворот (не храма, но откровения), ты Храм в Храме.

Здесь и Сейчас ты – Истина в Истине, но Истина в скорлупе. Подвижное, отделенное оболочкой от подвижного, есть не-подвижное.

Здесь и Сейчас ты – Путь внутри Пути, но слишком глубока колея, чтобы выскочить из нее, как ни старайся. Колея же, хоть и на широкой дороге, но может увести на обочину, поелику проторена не тобой, а родом твоим – многие крови смешались, прежде чем наполнили вены твои.

Войдя в Храм и захлопнув двери за собой, ты – Храм в Храме, открой себя, двери своего Храма, расколи скорлупу Истины и поменяй родовую колею-вену, а содеяв оное, осознай суть Святого Огня.

Как? Как штурман, вооружившись секстантом, определяет координаты судна по Полярному Светилу и прокладывает верный курс, так и ты, Храм в Храме, направляйся к своей путеводной звезде – аналою, его покатая спина держит Исти-

ну, Подсказку и Направление. И не будет лик твой удивлением озадачен в отличие от штурмана, спутавшего долготы по причине беспробудного пьянства и направившего несчастное судно на рифы, когда узришь перед собой Икону Троицы, она есмь Тайна, что откроется тебе прямо сейчас, как открывается взору впередсмотрящего неведомая земля, вынырнувшая из густого утреннего небытия. В руках Троицы Святой Огонь, трезубец о трех пламенах. Пламя Сына – для огранки души, Пламя Духа Святого – для шлифовки, полирует же душу Пламя Отца Небесного. Соединенные вместе, в Святой Огонь, они нисходят Благодатью, очищая тело души, трансформируя тело сознания, преображая тело плоти всяко по вере (исцеленный от слепоты на белом мраморе Силоамской купели испытал тот же Огонь, что и жена Лота, как и жители Содома – всякому чаша своя).

Сходящий Святой Огонь изначально касается Сути языком Пламени Христа, ибо Сын Божий имел опыт проявления в плотном теле, и Христосознание как тонкая оболочка наиболее близка (вибрационно) человеческой душе. Обтесанная множественными воплощениями душа подвергается огранке из бесформенности (куска глины) в додекаэдр (первочеловека, Адама). Каждая сторона образует ее потенцию: способность любить, способность к самопожертвованию, способность к прощению и так до двенадцати добродетелей, отличающих души меж собой, как различаются по форме и окрасу лепестки цветов, но всяк знает, что это растение –

цветок, единый вид.

Отходы от огранки, те куски душематерии, что Христосознание отсекает, остаются спутниками души, ее пороками, тем мусором, что мешает воспарению, но в то же время и тем балластом, который позволяет судну не кувыркаться на волнах, имея нужный центр тяжести, а душе непросветленной раньше времени не вознестись вместе с гордыней, чья материя тонка и не снята огранкой. Пример тому Савл-гонитель, ограненный осиявшим с неба светом на пути в Дамаск до состояния Святого Павла-проповедника. Ограненная душа способна воспринять и прикосновение Духа Святого, пройти шлифование, когда стороны-качества числом двенадцать получают зеркальную чистоту. После опаления языком Пламени Святого Духа душа смотрит на себя через дюжину зеркал-добродетелей, так Иисус видел себя в двенадцати учениках. Язык любого существа из любой части Вселенной становится понятным, ибо общение душ происходит через рефлексию отшлифованных граней. Здесь тебе примером послужит Дух, известный под именем Гаутамы Будды.

Мелкая пыль, образовавшаяся в процессе шлифовки души, свяжет куски пороков в кольцо, подобно кольцам Сатурна – космогонической копии описываемой сейчас картины схождения Святого Огня, сбалансировав эго души с самой душой, что позволит ему (Святому Огню) раскрыть свой третий потенциал – Пламя Отца Небесного, те материи Света Любви, что ответственны за полировку душ. Это уже не

мастерство огранки и не искусство шлифовки, это таинство. Божественная часть Святого Огня нивелирует грани добродетелей додекаэдра в сферу, сияющую во Славе Господа подобно звезде, где Бог видит свое неискаженное отражение, а душа возвращается Домой. Мельчайшие частицы, снятые при полировке, сгорают в лучах звезды, а сама душа всплывает из кольца астероидов, оставляя связанные пороки на этом плане в ожидании своего возвращения.

Это есть Момент Воссоединения: бабочка, сбросив одежду куколки, вспорхнула к солнцу.

Если тебе для осознания нужен пример из истории человечества, то этот пример – ты. Стадия полировки – интимный духовный акт, сокрытый от всех, только ты и Бог, и познать его можно, только дойдя до него самому. Тогда Храм в Храме становится просто Храмом, ибо для того, чтобы быть им, не нужны стены, увенчанные и украшенные ликами тех, кто достоин взирать на входящих или проходящих мимо, на молящихся Богу или торгующих Им, на разноликих и разноименных, но одинаковых в одном – пребывающих во сне и ничего не подозревающих о Святом Огне.

Живая Вода

- Водой живой меня омой.
– Но в мире нет воды иной,
Чем та, что здесь, перед тобой.
– А если мертвая она?
Что, выпей я ее до дна,
Со мной случится, дай ответ?
– Вода есть жизнь, в ней смерти нет.

1

Адам за руку вел Еву по Саду. Она разглядывала деревья, усыпанные райскими плодами, коих нередко насчитывалось большим числом, нежели листьев на ветках, отчего изумрудная зелень, перемешанная с ярко-желтыми, огненно-красными и лилово-синими дарами местной божественной флоры, проявлялась на общей мизансцене Рая восхитительными колористическими изысками, образующими тем не менее тонкую цветовую гармонию. Рот Евы не закрывался от нахлынувшей на нее волны восхищения, глаза – от потока света, наполненного предметами и звуками, формой и движением. Ее можно было понять, Ева недавно вошла в этот мир. Адам, напротив, был угрюм, озадачен и разглядывал не внешнее окружающее изобилие, знакомое ему (он оказался

в Раю несколько раньше Евы), но собственную внутреннюю пустоту.

С того самого момента, как Отец подвел к нему Еву и сказал: «Адам, это Ева», Адам познал одиночество. Пока не было ее, определить свое положение в мире и дать ему определение он не мог. Было окружающее его Здесь и Сейчас, был он сам и... все, но вот появилась она, и Адам назвал свое положение до Евы грустным словом «одиночество». Сознание первочеловека запустило воронку самобичевания, выкопало пропасть тихой печали, обнаружило впадину обиды (сколько твоих потомков, Адам, будут стоять на краю этого омута).

Голос Евы прервал его тягостные мысли:

– Куда мы идем, Адам?

Адам вынырнул из самопогружения...

2

Когда Отец сказал: «Это Ева», первый человек ощутил пустоту под ребрами и, потрогав занывшее место (одного ребра почему-то не хватало), спросил: «Кто это?»

Отец, улыбающийся всегда, сколько себя помнил Адам, растянулся в еще более широкой улыбке и ответил:

– Это ты, тоже ты, часть тебя, в прямом и переносном смысле.

Из сказанного Адам не понял почти ничего, поскольку был еще молод, как вид, но полностью прочувствовал переданное ему Отцом.

– Что мне с этим делать?

– Не с этим, а с ней, – поправил Отец, – быть вместе.

– И все?

– Да, пребывание тебя и ее в мире вместе – достаточное условие для осознания Меня Мной, тебя тобой, а ее ей.

Адам, естественно, опять не поняв ни слова, ощутил тревогу, вползающую внутрь через пробоину в груди:

– А где мое ребро, Отец?

– Я позаимствовал его, но обещаю, ты будешь доволен тем, как я его приспособил.

Адам с рождения безоговорочно верил Отцу и сейчас согласно кивнул головой:

– А без этого, прости, без нее никак нельзя познать Тебе Себя и мне меня?

Отец снова улыбнулся шире обычного:

– Для движения, в самом общем смысле, нужен антипод, разность, дисбаланс, при отсутствии оных случается покой.

– Так сложно, – явно прислушиваясь к внутренним ощущениям (о понимании слов речи не было), сказал Адам.

– Я так задумал, – ответил довольный Отец.

– Значит, она мой антипод, дисбаланс?

– Да, именно.

– И у Тебя есть антипод?

– Конечно, он здесь, в Саду.

– Его можно увидеть? – Адам с интересом посмотрел по сторонам и остановил взгляд на Еве, стоящей чуть в стороне, возле куста с ослепительно-белыми крупными цветами.

– Он сам найдет тебя, через твоего антипода, подобное притянет подобное, – ответил Отец уже без улыбки, также посмотрев в сторону Евы. Тогда, разглядывая своего антипода, Адам действительно примечал внешние их различия, впрочем, никоим образом не волновавшие его. Закончив визуальный осмотр, он спросил у Отца:

– Что мне с ней делать, чем заняться?

– Возьми за руку и отведи к Фонтану, – посоветовал Отец и растворился по обыкновению, в воздухе...

3

– Куда мы идем? – снова повторила Ева.

– К Фонтану, – ответил очнувшийся от воспоминаний Адам.

– А что это? – хлопнув ресницами, подобно бабочке медового цвета (их в Саду пребывало невероятное количество), взмахнувшей крылышками и выпорхнувшей из-под ног Адама, спросила Ева.

Адам же, пересохшим отчего-то горлом, еле выдавил из себя:

– Это место, где вода.

По лицу Евы было ясно, что слова «вода» и «фонтан» для нее одинаково непонятны.

Адам ласково потрепал ее ладонь:

– Идем, сама увидишь.

Первая человеческая пара скользила по шелковистому ковру райского разнотравия, огибая деревья и кустарники, мелких и не очень, животных, безразлично взирающих на проплывающих мимо странных бесшерстных собратьев, не обращающих внимания на извивающегося следом за ними чешуйчатого преследователя. Адам прекрасно знал Сад и уверенно вел свою разность к намеченной цели.

Фонтан располагался на просторной поляне, окруженной низкорослыми деревьями с роскошными, серовато-розовыми шевелюрами-кронами. Невидимые в листве птицы оглашали поляну громким, жизнерадостным гомоном, сливавшимся самым удивительным образом в мелодию, успокаивающую и умиротворяющую. Ева ахнула, увидев очертания изящного, воздушного, изумительно-утонченного сооружения, гармонично сочетающегося с той субстанцией, ради которой был воссоздан. Некоторые элементы были выполнены столь искусно, что, казалось, вода самостоятельно образует в воздухе причудливые формы, поверхности и изгибы, вдруг замирая в своем движении, оставляя взирающему загадку своего покоя и звучания струй, недвижимых для глаз.

– Это Фонтан? – восхищенно прошептала пораженная Ева.

– Это вода, – коротко ответил Адам.

Чаша Фонтана имела двенадцать углублений в ободу бордюра. Адам уселся в одно из них, Ева, обойдя Фонтан кругом, в другое, прямо напротив. В ту секунду, когда руки их

расстались, Адам испытал неведомое ранее чувство, вернулось одиночество, но в новом качестве. Сейчас он глядел в воды Фонтана, как в зеркало омута (потомки прекрасно знают, о чем я), понимая, что антипод порабощает его необъяснимым образом, накидывая на его волю путы, незнакомые, неведомые, невесомые. Зачем Отец привел нас сюда – задавался он вопросом, хлопая и хлопая ладонью по розовому мрамору Фонтана.

Антипод, напротив, как и полагается антиподу, вел себя возбужденно весело, плескаясь в воде, подставляя струям лицо, руки, тело, хохоча и повизгивая от явного удовольствия. Создавалось впечатление, что и вода отвечает на ее радость буйством света в своих каплях, звонко ударяющихся о подставленные ладони. Вода буквально оживала на женской стороне Фонтана, вспенивалась, переплеталась струями, перемешивалась слоями и пела, вторя голосам райских птиц, каким-то непостижимым образом зависших над головой Евы.

На стороне Адама воды Фонтана сохраняли штиль. Серо-зеленое неподвижное зеркало отражало молчание, покой, сон. Потоки, поднятые вверх, застыли опущенными ресницами, сомкнутыми веками, окаменевшими водопадами, безжизненными полупрозрачными лучами. Адам с удивлением переводил взгляд со своей части Фонтана на противоположную.

– У всего есть антипод, и у воды тоже, – услышал он голос

Отца. – Ты у мертвой воды, Ева – у живой. Опустит руку в воду.

Адам повиновался, рука тут же почернела, пальцы обожгло холодом, и он перестал их ощущать.

– Опустит руку в живую воду, и все исправится.

Адам поднялся с места.

– Иди скорей ко мне, – крикнула ему Ева, – здесь весело.

Но едва он сделал шаг к ней, как темная часть воды повернулась на тот же угол, Адам остановился, остановилась и вода. Он сделал шаг назад, и водораздел вернулся на прежнее место.

– Отец, мертвая вода идет со мной, она не отпускает меня.

– Не она, а ты не отпускаешь ее от себя, – улыбнулся, как и прежде, Отец, – думай, сын мой.

Поразмыслив, Адам совершил первую хитрость в грядущей богатой истории человечества (сказалась близость антипода), он быстро зашагал вокруг Фонтана в другую сторону, ситуация с водой повторилась – мертвая часть отслеживала каждое его движение. Адам вернулся на место, хмурясь еще сильнее, вода на его половине потемнела до сине-серого оттенка. Ева, с удивлением наблюдавшая его лихорадочные перемещения через радугу фонтанных брызг, развеселилась вконец:

– Какой же ты неуклюжий, иди ко мне прямо по воде, не утонешь.

«И вправду, – подумал Адам, – как я сам не догадался?»

Он поставил ногу на бордюр и уже собирался спрыгнуть в Фонтан, как голос Отца прогремел над ним:

– Короткий путь заманчив, но, как правило, обманчив.

– Чего? – не поняв ничего в который раз, переспросил Адам, но шага не сделал, вера в слова Отца все еще была велика в нем.

– Ног не жалко? – вопросом на вопрос ответил Отец.

Адам взглянул на ноги, а затем перевел взгляд на руку, безжизненно висевшую почерневшей плетью вдоль тела.

– Тьфу, – чертыхнулся он, и за спиной Евы в красно-лиственном кусте довольно зашуршало.

– Осторожней со словами-призывами, – предупредил Отец.

Адам пропустил замечание мимо ушей:

– Ева, лучше ты иди ко мне.

Ева отрицательно покачала головой и поморщила нос:

– Ну нет, у тебя скучно и пасмурно, не пойду.

– Мертвую воду удерживаешь ты, живая вода удерживает тебя, в данном случае ее, – прокомментировал Отец. – Ева не сможет сопротивляться силе Живой воды и подойти к тебе.

– Отец, подскажи, как поступить? – взмолился Адам.

– Смешай Живую и Мертвую воды, иначе Адам и Ева так и будут ходить по кругу, не понимая друг друга, не привнося свое другому, но уберегая свое от другого, являясь при этом частями единого.

– Половинками Фонтана, – догадался Адам.

– Истинно так, – подтвердил Отец.

– Но если смешать две воды в одну, то она станет полуживой? – Адам совершил первое логическое умозаключение.

– А возможно, и полумертвой, – согласился с ним Отец и залился таким смехом, что птицы сорвались с ближайших деревьев, а Ева завистливо посмотрела на Адама:

– О чем это вы?

– О смешении, – крикнул ей Адам, пытаясь перекрыть шум журчащих струй.

– А, эклектика, – равнодушно выдала Ева и вернулась к полосканию пальцев в теплых потоках.

У Адама упала челюсть, а Отец поперхнулся глотком райского воздуха.

– Во дает, – восхищенно произнес Адам, снова оказавшись вне интеллектуальной игры. – Отец, так все-таки полуживая или полумертвая после смешения?

– Зависит от пропорции, – раздался голос Евы, стоящей в мертвой воде по колено без всяких последствий для ее ног (здесь Адам почувствовал какое-то волнение в межреберном пространстве).

– Пропорция везде одна, – в отличие от разволновавшегося Адама спокойно сказал Отец, – Живой и Мертвой воды в моем мире поровну. Вам, дети мои, надо научиться соединять эти воды, пресные и соленые, кипящие и холодные, мертвые Адамовы и живые от Евы, и не быть этому общему Океану ни полуживым, ни полумертвым, но Абсолютно Жи-

вым, ибо смерть, сталкиваясь с жизнью, оживает, а жизнь, прикоснувшись к смерти, не умирает – таков мой Закон Перевоплощения.

– Как это сделать, Отец? – вспыхнул Адам, еще ничего не понимающий, но так много чувствующий.

– Возьми за руку ее, к тебе пришедшую.

– И что будет?

– Возьми, увидишь, – Отец улыбался.

Адам протянул руку Еве и, крепко сжав ее пальцы, вошел в Фонтан. Темно-серые воды очистились, в них отразилось солнце Рая и Небесные Врата. Она улыбнулась ему, и он ответил ей улыбкой.

– Истинно так, – прозвучало над их головами.

Камень

Гора не встанет на Пути,
Когда идешь по дну ущелья.

Разрешите представиться, я – Камень. Мне несколько тысяч лет, точнее сказать не могу, жизнь камней не предполагает значительных изменений формы и частых перемещений в пространстве бытия, а посему отсчитывать срок возлежания на одном и том же месте не имеет никакого смысла. Изначально я был частью скалы, истязаемой северными ветрами, несшими на своих крылах сырость летом и ледяные иглы зимой. Единственным развлечением в бесконечности пребывания здесь были птицы, но и те предпочитали лепить свои гнезда на теплой южной стороне. Мне же оставалось только наблюдать за их парением в воздухе и жадно ловить звуки их насыщенной, бурной жизни с той стороны. Здесь, на севере, мы понимали, как же повезло южанам. На их плечах и ладонях пернатые устраивали брачные игры, строили жилища, растили птенцов. С их растопыренных каменных пальцев подростки отправлялись в первый полет, на их стороне всегда стоял гвалт, шум, суматоха, в общем, Жизнь.

Но однажды все прекратилось. Обитатели теплых склонов, побросав свои дома, поднялись в воздух, все до единого,

и стар и млад, и покинули скалу, огромным черным пятном растворившись в восточном направлении. Местность погрузилась в звенящую тишину. Моя недавняя зависть трансформировалась в злорадство по отношению к южанам – пусть посидят без развлечений и осознают наконец-то свою окаменелость в полном объеме.

Что, удивились? Думаете, камень, а рассуждает, да еще и злобствует. В таком случае разрешите представиться снова: перед камнем здесь я был человеком не-здесь, на другой планете, но, видимо, плохим человеком, раз мой эволюционный путь там замуровал меня в тело скалы здесь.

А пока тишина, не предвещавшая ничего хорошего, продолжалась некоторое время, и вот в глубине утробное ворчание, клокотание и недовольство недр, перешедшие сначала в потряхивание (наконец какие-то перемены), а затем в более явственные толчки, удары, уханье и тяжелые вздохи земной коры. Телом я начал ощущать изменения температуры, скалу лихорадило. В один момент вдруг грохнуло так, что зазвенели кристаллические связи, стало очень горячо и над склонами поднялось черное огненно-грозное облако. Скала превратилась в вулкан. Все вокруг ходило ходуном, эта безумная пляска тверди под вой извергающейся лавы вынесла наружу не только огонь, но и страх. Это человеческое качество выдавилось из памяти, выбросилось в мир, собралось в пепельное облако.

Страх, чувство, сравнимое по силе с Созиданием, но име-

ющее противоположный вектор, расколол скалу. Вулкан взорвался, и я, обретя самостоятельную форму, получил свободу, взлетев в небо, как пернатый подлеток. Описав широкую дугу и счастливо избежав столкновения с такими же ошалевшими себе подобными, я приземлился вдалеке от потоков огнедышащих рек, уткнувшись меж двух пузатых валунов, треснувших от негодования.

Подобное приключение для камня схоже с походом ребенка-домоседа в балаган. Цирковое представление впечатывается в память на всю жизнь, вот только цена на билет в моем случае оказалась неподъемной. Обретенное мной пристанище, из которого не было видно ровным счетом ничего, на многие века стало воспитателем Терпения, коего, по всей видимости, мне не хватало в человеческом исполнении. Не стану обременять читателя описанием бесполезного, бессмысленного вечного возлежания в объятиях Братьев-Валунов. На безжизненном месте (ни мхов, ни пауков, ни дуновения ветерка) только и учиться Великому Терпению. Но, как известно, ничто не вечно, прошло время, и давно остывший Вулкан снова ожил, правда, не той кипящей, громогласной, выплескивающейся жизнью, а тихим увяданием, точнее, оседанием. Слегка потрескивая трущимися друг о друга пластинами пород, он, постепенно сгибая спину, уходил под землю, открывая мне и Братьям перспективу. Из этой-то перспективы и пришла Большая Вода. Как сказал бы человек – ушел Вулкан, пришел Океан.

Первая волна, мутная, соленая, ревущая, впечатала меня в животы Братьев еще крепче, но, отходя, выдернула из их объятий, осыпав острые края, оставившие вмятины на пухлых боках моих соседей. Следующая волна не заставила себя ждать, и я снова, обламывая торчащие заусенцы и у себя, и у других, полетел в заданном направлении. Через несколько циклов эти качели уже надоели и мне, и Братьям, но Океан не собирался договариваться с нами, он пришел показать нам, что есть суета сует. Столетиями я летал, несомый волнами, из точки в точку, превращаясь в гальку. Вода придавала мне форму, удобную ей, не спрашивая меня. Суетящийся, вечно спешащий человек становится галькой, не принадлежащей себе, но внешним обстоятельствам. Мелкие части меня, отбитые в процессе приливов и отливов, волна откачала в песчинки, сбившиеся в прибрежную полосу, там, где Океан останавливал свое дыхание. Всякий раз, подлетая к животам Валунов, я думал – стоит им подождать пару тысяч лет, и сюда придут красивые, молоденькие женщины, которые возлягут на пески и будут наслаждаться солнцем. Будь я песчинкой, непременно прилип бы к одной из них (вполне человеческое Вождение овладело моими мыслями), но я, к сожалению, камень, булыжник, и таким нет места на пляже. Даже если повезет и меня выбросит на эти райские берега, в лучшем случае какая-нибудь дева, наступив мне на спину аккуратной ножкой, вскрикнет от негодования, и ее загорелый мускулистый спутник зашвырнет меня в морские глубины,

где, покрывшись илом, я закончу дни свои (по крайней мере, до того момента, пока не иссякнет Океан), а в худшем – первый же шторм похоронит меня в мокром песке, и тогда – полное забвение.

Печальные мысли прервала очередная волна, легко подхватившая меня с места и, о чудо, втиснувшая меня меж Братьев, я лишь слегка задел их гладкие телеса. Вуалья, гладкая, блестящая, самодовольная галька лежала посередине пляжа. Начиналась новая жизнь.

Рано или поздно, но сто лет одиночества (шутка, их было более пяти тысяч) закончились, появился человек. Конечно, не такой, каким был я: солнце, мало того что одно, так еще и желтое, воздух, лишенный метана, в воде полно солей – в таких окружающих условиях он не походил на человека моего мира, но все-таки это был человек.

Из прожитого Великого Цикла я знал, как важна эта встреча. Минерал, не испытывавший прикосновения человеческой руки, только терпит свою недвижимость и вспоминает чувства, присущие Жизни. После встречи с человеком каменная память получает возможность хранить все то, что передал тактильно и ментально контактер, то есть начинает выполнять свое предназначение. С появлением человека для минерала начинается Возрождение, открывается путь к Царству Растений. Мой первый хозяин записал в кристаллическую память код Охотника, тепло его ладони, силу пальцев, выверенную траекторию моего полета, хруст костей жертвы

и запекшуюся кровь в порах моей кожи-панциря. Я стал инструментом, снарядом Мастера, он ни разу не промахнулся и, забирая добычу, не забывал обо мне, стирая кровавые пятна шерстью зверька или птицы. Я же, в благодарность, включив память прошлого, вспомнил все, что знал о баллистике, сопротивлении сред и воздействию силы тяжести на летные характеристики тел и передал эти знания его тонкому двойнику, превратив себя в совершенное оружие, а его – в компаньона.

Несколько лет прошло в полном единении Мастера и его инструмента, пока другой охотник, восплавленный завистью к нашим успехам, не убил моего друга самым коварным образом и не забрал меня к себе. Я ушел от него на первой же охоте, чуть изменив свой центр тяжести перед броском. После промаха он так и не нашел меня, притаившегося в густом папоротнике, где я приготовился ждать нового хозяина, в тени и прохладе, с глубоким удовольствием вспоминая прежнего.

Ожидание мое было не долгим, три сотни лет – и я оказался в руках Крестьянина. Уф, кем только ни пришлось поработать мне в его хозяйстве: и подпоркой калитки в птичнике (вот уж где не оттереться от помета), и грузом под квашения на кухне (здесь было повеселее, но вони хватало так же), и устрашающим ядром в руке хозяина против соседских собак (правда, ни разу не был использован в деле, да и то хорошо, кровью и болью насытился я у Охотника). На пере-

численных позициях, в общем-то, жилось неплохо, но приложить знания и опыт не представлялось возможным. Я, по обыкновению, как и все камни, ждал. И дождался.

Однажды шумная и крикливая, но добрая душой жена хозяина, суетливо оббегав весь двор, наконец-то выудила меня из-под скрипящей облепленной грязью и куриным пометом калитки, наспех обтерла подолом и понесла в дом. Я решил было: опять кваситься на кухню, но она прошмыгнула мимо кастрюль, прямо в спальню Крестьянина (какая честь для меня) и решительно сунула мое тело в разведенную печь, на угли. Воспоминания о Вулкане тут же нахлынули на меня. Бока мои, раскаляясь, заодно распяляли и мое воображение – юность встала перед глазами, как же давно это было: грохот извержения, восторг полета, надутые животы Братьев-Валунов... Хлоп – щипцы сдавили меня и отпустили уже на спине хозяина. Вот оно что. Крестьянин болен, лежит пластом, стонет, ругается, а я – его спасение, нагревательный элемент. Покопавшись в кристаллах памяти среди окаменевших знаний о строении человека, я понял – меня уложили не туда. Перемещение всего тепла в одну точку достигло цели, хозяин вскрикнул от ожога и дернулся телом, я свалился на пол. Щипцы снова отправили меня на угли, несколько минут воспоминаний о жаркой юности, и я опять на спине, и снова неправильно. Новый ожог, новый вскрик и падение, и так еще два раза. Наконец меня положили в то место, куда и требовала медицина моего просвещенного мира. Человек

получил выздоровление тканей, приняв от камня тепло, камень же считал голограмму его клеток и упаковал ее в свою память.

С этого момента меня, обернув чистой холстиной, приспособили на полку, подле кровати хозяина, навсегда избавив от миазмов птичника и кухонных испарений. Периодически Крестьянин, кряхтя, устраивался на кровати, а я, разогретый, на его спине. Со временем жена хозяина научилась безошибочно определять точку приложения, хотя взаимодействовать с ней приходилось через железо щипцов, что усложняло контакт, и я понял, что мне необходима женщина в качестве Хозяина. Именно женщина с ее повышенной чувствительностью и эмоциональностью способна ускорить мою эволюцию здесь.

Но камень не выбирает, он обездвижен. Я начал думать, я был просто одержим этой идеей, я обращался к глубинной памяти и не находил ответа, но продолжал создавать Намерение, и это дало плоды. В результате каменно-мозговой деятельности тело мое постепенно стало нагреваться, сигналы желаний разбегались по кристаллической решетке, как мыши, застигнутые врасплох хозяином амбара, расшатывая ее связи. Внутренности мои ожили, я вибрировал явно сильнее, чем положено гальке. Кристаллы моего естества беспрерывно пульсировали – мне нужна женщина, мне нужна женщина... Камни умеют терпеть и ждать, и я дождался – холстина, в которую я был обернут, сперва затлела, потом задыми-

лась, и наконец дуновение свежего ветра через открытое окно принесло ей нужную порцию кислорода. Хозяйство моего Крестьянина выгорело дотла, вместе с постройками и скотиной. Люди не пострадали (слава Создателю, отвел от греха), все были в поле.

Испытал ли я при этом сожаление? Вряд ли, камням не доступны эмоции, во-первых, и, если вы не забыли, в другом мире я был плохим человеком, это во-вторых. Я не сожалел о случившемся и просто улегся на обугленную доску, твердо осознавая, что теперь буду ждать Женщину.

Она появилась быстрее, чем я предполагал, всего через шесть десятков земных лет. На старое заброшенное пепелище забрела уже не юная, но уверенная и знающая себе цену особа, разумом пребывающая вне своего времени. Те, кто встречал ее на своем пути, распрощавшись, шептали вслед – ведьма. Ведьма точно знала, куда и зачем идет, она с закрытыми глазами остановилась прямо надо мной, откинула мыском башмака сгоревшую полуразвалившуюся полку и, не поднимая век, взяла меня в руку. Лед пробил все мои внутренности, и, если бы камни имели сердце, мое тут же онемело бы. Ведьма, повертев меня в руках, распустила шнуровку кожаной котомки и разжала пальцы. Я, собственными усилиями притянувший к себе такую судьбу, полетел в черноту, заполненную кореньями, сушеными мышами и полосками змеиной кожи, прямо навстречу новой (в очередной раз) жизни.

Жилищем моей Хозяйки был весь мир. Рукава рек и блюдца озер – ее купальни, мягкие травы или колючий лапник – ложе, звездное небо – опочивальня, чистое поле – бальный зал, а содержимое котомки – запасник.

Мне повезло, моя Ведьма знала язык зверей и птиц (за что, собственно, ведьмою и звалась), а это Царство близко к минералам. Она осознавала сей факт развитым чутьем и стремилась спуститься ко мне, обездвиженному хранителю, через контакт – Ведьма хотела научиться понимать язык камней. Она частенько, положив меня на одну ладонь, гладила другой и шептала свои заклинания, но вибрации ее речевого аппарата были не доступны для меня, я не слышал ее, хотя понимал, что шевеление губ Ведьмы предназначалось мне. Требовалось более низкое звучание, и однажды она это поняла. Пробуя различные варианты проникновения в наш мир, окружая себя всякой ненужной ерундой, рисуя круги и знаки на песке, навешивая на себя клыки животных и крысиные хвосты (первобытщина какая-то), Ведьма экспериментировала и с голосом. Это был верный путь, и результат не заставил себя ждать. Как-то, выдав низкое гортанное пение-хрип, она почувствовала нагрев моего тела на ладони – я услышал ее. Не меняя тональности, Ведьма спросила:

– Ты слышишь меня?

И я поднял температуру. Она радостно вскрикнула. С этого момента началось ее погружение в Царство Минералов (куда я, собственно, угодил со всего размаха из своего мира),

и мой подъем в Царство Людей.

Моя Ведьмочка, а с некоторых пор мне хотелось величать хозяйку именно так, была настоящая умница – она быстро сообразила, что, повышая температуру своего тела, я отвечаю «да», а оставаясь холодным – «нет». Что за прекрасная тренировка ума для задающего вопросы, то есть для нее, и настоящая пытка для отвечающего, то есть для меня. Ведьмочку интересовало все, и из этого всего я знал многое (цикл в двадцать тысяч лет – дело не шуточное), но, отвечая односложно, я мог просветить ее только в том объеме ее же фантазий, на которые был способен мозг земной средневековой женщины, пусть и опередившей свое время.

И все-таки кое-что нам удалось.

– Ты видел сотворение мира? – спрашивала они и ощущала холод в ладони.

– Камни слышат животных? – новый вопрос, и мое тело начинает теплеть, хотя, если быть точным, не всех, в основном рычащих и шипящих, но как сказать об этом.

– Бог есть? – Ведьмочка замерла в ожидании и... вскрикнув, бросила меня на землю, на ладони остался след от ожога.

– Больше так не делай, – сказала она, поднимая меня, и тут же, позабыв о философии, как обычная женщина, спросила. – Ты мужчина?

«О, Боже, я же камень, – хотелось ответить ей, – и там, на своей планете, я был и тем, и той много раз», но, дабы

не усложнять наших отношений, я подогрел свое тело. Ведь-мочка удовлетворенно улыбнулась. Так в наши беседы постепенно стали вползать элементы флирта. Наше общение стало постоянным, я перебрался из котомки в руку и проводил там все время.

К сожалению, не столь длительное, как мне уже теперь хотелось. Однажды, укладываясь на ночь под раскидистой ивой, она неожиданно спросила:

– У тебя есть подруга?

– Конечно, – заорал я, подогрев себя несколько более обычного.

– Это я? – кокетливо прозвучало в темноте.

– Это ты, – восторженно сообщил я всей Вселенной, раскалив себя, как и в случае с Богом, совсем позабыв об обещании не делать этого. На сей раз она не одернула руки, а положила меня под щеку. Что-то произошло и с ней, и со мной. Человек и камень вошли в контакт, в соприкосновение, не телесное, но духовное, в единение, не физических оригиналов, но их тонких голограмм.

– Возможно ли это? – спросите вы.

– Посредством Любви возможно все, – отвечу я, кусок скалы, оторванный взрывом Вулкана, отшлифованный до гальки Океаном, познавший ужасы кровопускания и радость исцеления ближнего и прикасающийся к щеке той, что, когда пришло время, не выпустила меня из руки, стоя на костре. Там, в едком дыму, ее последним вопросом было:

– Бог ждет меня?

И своим ответом я сжег кожу ее ладони прежде жадных языков пламени.

Вместе с углями, пеплом и обгоревшими костями меня выбросили в придорожную канаву. Шесть веков ожидания нагрузили на мои плечи полутораметровый слой песка, глины и мути, покрытый ковром трав, засыпанный доломитовыми собратьями и позже залитый горячей смолой.

Из этого саркофага меня вряд ли достать, да и не хочу – в моей судьбе камня случилось главное – Любовь, и я знаю: стоит подождать (а мы умеем ждать), и скорлупа моего сердца, а оно уже забилось, распадется, и я в виде ростка потянусь со своей глубины к Солнцу, в Царство Растений.

Осина

Не тресни, ветвь моя,
Терпи свой крест, не дай порваться сухожильям,
Дрожи, волокнами звеня,
Но удержи Иуды грех меж небесами и земною пылью.

1

Рубанок легко скользил по мягкой поверхности, вздыбливая древесину в замысловато скрученную стружку. Мастер не нажимал, давая возможность инструменту самому выбрать глубину погружения в трепещущее волокнами тело. Так опытный шкипер отдает судно волнам и ветру, и эти трое, договорившись меж собой, уравнивают стихии и материю, рулевому же остается, довольно покрутив просоленный ус, направить сию сгармонизированную троицу нужным курсом. Сделав проход и вернувшись к исходной точке, инструмент застывал на миг, взирая на совершенное, совместно прожитое с деревом действо, на то, что забрал он, и то, что отдало оно. Не так ли парус, лишая ветра силы, заставляет двигаться рукотворный ковчег, заполненный людскими пороками и добродетелями, провиантом, пушечными ядрами и бочками с порохом, боцманской руганью и мор-

ским уставом, оставляя при этом за кормой фарватер, вспененный страстью приключений, открытий или жаждой жизни, просоленный потом тяжелой работы моряка и слезами оставшихся на берегу, ведущий едва различимой на волнах нитью от дома сюда и отсюда в неизвестность.

Осмыслив пройденное, рубанок тянет за собой руку Мастера:

– Ну же, вперед, на поиски Истины.

– А что есть Истина? – спрашивает Мастер, глядя, как осиновый локон, нежный, тонкий, хрупкий, словно стекло, медленно выползает из-под инструмента.

– Истина – это Гармония, – отвечает рубанок, и локон отваливается в сторону, уступая место новому кольцу, умирая сам, дает возможность родиться другому.

– Гармония чего и с чем? – снова задается вопросом Мастер, любуясь рождением следующего кольца.

– Гармония соприкосновения мира с миром, инструмента и материала, твоей руки и меня, женщины и мужчины, промасленного дерева с соленой водой, ты и сам все знаешь, – отвечает рубанок, заканчивая очередной проход, и возвращается в начало заготовки, и Мастер, теперь уже вместе с ним, смотрит на пройденный путь.

Шкипер отпускает штурвал и вглядывается в закат. Сейчас для него не существует разделения сред и материи – терпкий воздух южных морей неотделим от парусной ткани, которая, в свою очередь, срослась с тремя палубами тесан-

ного дуба, слившегося на молекулярном уровне с океанской водой. Да и сам шкипер постепенно теряет границы между собственным бушлатом, потрескавшимися от соли подошвами сапог, своим «Я» и случившимся божественным закатом. Воцаряется Всеобщая Гармония.

– Что же ищем мы в уже идеальном мире? – спрашивает Мастер, поглаживая рукой гладкую поверхность обработанной заготовки, восхищаясь повторяющимся узором волос-волокон.

– Семя, зерно, начало, код, – отвечает рубанок, и рука Мастера начинает зудеть от нетерпения сделать новый проход.

– О чем ты? – удивляется Мастер и удерживает инструмент на месте. Судно налетает в тумане сомнений на риф, у шкипера от неожиданности вылетает трубка изо рта, Гармония разваливается вместе с днищем, вызывая в боцманском лексиконе удивительные сочетания слов.

– О той самой сережке, что зацвела на ту самую пасху да на той самой осине, а к началу благословенного месяца, открывающего врата летнему зною, сбросила семечко-пушинку, как сбросила ранее ветвь, питающая ее, Иуду Искарюта, – рубанок дернулся в руках Мастера и оставил вмятину-заусенец на почти готовой поверхности.

Поврежденные волокна, словно лопнувшие струны, выдохнули звон-стон, крик-боль, ужас-воспоминание.

Шторм обрушился на судно, подцепленное среди океана на черный зуб рифа. Волны дотягивались до нок-реи, обна-

жая скалу со своей добычей до илистого исподнего и, величественно замерев, обрушивались на одинокую композицию дерева и камня, разбавленную человеческими телами и душами, молящими о спасении. Плоть столетних дубов стонала под исполинскими плетьюми океана, матросы в ужасе держались оцепеневшими пальцами за ванты, проклиная судьбу, чугунные ядра, мечущиеся по канонирской палубе, молили об упокоении на дне морском своего чугунного Бога, и только шкипер, выдавший подобное не раз, молча ждал развязки, и она наступила. Шторм закончился так же внезапно, как и начался. Последним ударом, более походившим на пощечину, он спихнул изрядно потрепанную посудину с вынужденного насеста и удалился, унося с собой тяжелые черные тучи, крики сброшенных в море людей и насквозь промокшую шляпу шкипера.

– Где же искать код, а главное, зачем? – Мастер с сожалением ощупывал вмятину, прикидывая, сколько слоев надо снять для исправления этой обидной оплошности. Рубанок безмолвствовал, на море установился штиль.

2

Лето в тот год выдалось жарким, весь многочисленный посев иудиной осины, разметанный горячим палестинским ветром, пал на раскаленные камни, а чуть позднее от засухи скорчилось обезвоженное и само материнское дерево. Всего

одному семечку от проклятой осины даровано было, пролетев над Гефсиманским Садам, упасть в карман Страннику, покидавшему в тот момент город Иерусалим.

Семя обрело свою почву три месяца спустя в новых землях, за морем, где горы были зелены, а дожди прятали солнце за облаками чаще, чем день сменял ночь. Доставая из кармана полусохший сухарь, Странник, сам не ведая того, явил миру продолжение рода иудиного древа. Не успел он сделать и пяти шагов, покидая навсегда свое тайный груз, как начался дождь, и потеря, насытившись влагой, затеплилась жизнью и надеждой.

В тот же час неподалеку, в прибрежном поселении, родился мальчик, связанный фатальными узами с осиновым семенем. Стоило первым заморозкам прикоснуться к едва пробившемуся ростку, как у мальчика развивалась простуда, он чихал, кашлял и метался в жару, а когда крестьянская телега наехала колесом на молодое деревце, трехлетний ребенок сломал ногу, буквально на ровном месте. Но крепнувшая осина, смело тянущая свою молодую зелень к солнцу, придавала сил и энергии молодому человеку. Юноша рос крепким, здоровым и сообразительным, лишь один недуг беспокоил родителей и портил впечатление о нем лицам противоположного пола – мелкой дрожью, будто листья осины, тряслись руки у будущего шкипера.

Позже, на службе, его будут любить, уважать, бояться и считать беспробудным пьяницей именно по этому признаку.

Записавшись в юнги, шкипер покинул отчий дом, обменяв свою душу на бескрайние просторы океана, влюбившись навеки в соленый бриз и паруса, наполнив разум изменчивыми ветрами Фортуны. Тридцать с лишним лет он не видел родных мест, открывая далекие чужие, тридцать с лишним лет он любовался иными звездами, диковинными рассветами и, укладываясь на ночь, засыпал под звуки склянок, а не коровьих колокольчиков.

Через тридцать с лишним лет шкипер ступил на родную землю. Он был беден, сед, хмур и не имел правой ноги. Год назад в стычке с пиратом шкипер оставил ее на палубе собственного судна. Ровно в это время деревенские мальчишки, впятером облепив самую толстую ветку осины, раскачавшись, сломали ее.

Шкипер, обнаружив отчий дом пустым, не уехал. Списанный на берег моряк превратился в столяра, ибо более не умел ничего из сухопутных занятий, а через несколько лет столяр дорос до настоящего Мастера.

3

Рубанок ожил:

– Ищи зерно, семя, код в себе, един человек и дерево, на одной планете расселил их Создатель.

Лезвие аккуратно прошло над вмятиной, убрав заусенец. Мастер поднял вверх костыль из ветви осины, что росла

неподалеку от поселения. Он полюбовался своей работой, а затем приладил изделие к обрубку ноги. Костыль подошел идеально, словно Господь намеренно задумал симбиоз живой и мертвой плоти, словно и нет разницы между тканью древесной и человеческой, а ямочка на деревянной ноге, как напоминание о грехе, коему подвержен всякий, и не только Иуда.

Металл

Король, разглядывая дар:

– Не правда ли, занятная вещица,

Заклятие от женских чар,

На лезвии, на рукояти – птица.

– Клинок дамасский, старых мастеров, —

В ответ ему посол подобострастно,

– С ним три пустыни в тысячу ветров

Я пересек, и вижу, не напрасно.

Король довольный:

– Выпросил свое,

Бери, отдам, чего ни пожелаешь.

Посол в полголоса:

– И так здесь все мое,

А впрочем, Истину отдай, ту, что не знаешь.

– Какую Истину? – задумчиво Король,

– Хотя бери, зачем мне, что не знаю.

Посол лукаво:

– Ну, тогда изволь,

Я у тебя тебя же забираю.

Король во гневе обнажает сталь,

Вот-вот сейчас его терпенье лопнет.

Посол смирен, ему себя не жаль,

Как и того, кто вместе с ним усопнет.

Совет:

– Гея, Совет, изучив голографические проекции «Вероятного Состоявшегося Не-сейчас» на сфере, синхронизированной с тобой Именем, представленные Главным Куратором, решил изъять из сферы все железные руды. При этом масса сферы уменьшится на восемь с четвертью процентов, что учтется при корректировке орбиты вокруг корневой звезды и изменит климатические условия на поверхности сферы.

Гея:

– Совет, прошу слова.

Совет:

– Говори, Гея.

Гея:

– Сфера, синхронизированная со мной Именем, сотворена с особой точностью под сложный эволюционный путь посеянных душ, обремененных Свободой Выбора. Совет должен осознавать всю важность чистоты эксперимента по свободе выбора для Высшего Плана.

Совет:

– Совет осознает это.

Гея:

– Изъятие железа из сферы разворачивает «Вероятное Состоявшееся Не-сейчас» от главной оси Замысла Высшего

Плана. Эволюция носителей Свободного Выбора упрощается, своим решением Совет лишает расу людей техногенного скачка. В нашем секторе Вселенной уже есть три подобные сферы, с посевами, ведущими свою эволюцию в абсолютном единении со сферами. Зачем еще одна?

Главный Куратор:

– Гея, твои возражения ясны, Совет придерживался такого же мнения, но техногенный путь развития расы, основанный на наличии железных руд, катализируется Свободой Выбора в «Вероятное Состоявшееся Не-сейчас» по лучу нисхождения. Проверь выкладки.

Гея:

– Но эксперимент Высшего Плана заключается именно в этом – дать неразумному Все, наделить элементарное потенцией всеобщего, не сдерживать, но наблюдать.

Совет:

– Совету известен пафос эксперимента, Совет выполняет свое предназначение.

Главный Куратор:

– Как и Главный Куратор.

Гея:

– Как и Гея, но изъятие железа меняет облик сферы, ведет к деградации флоры, усложняет химический состав атмосферы. Запланированное видовое количество фауны исчезнет с поверхности, остатки переместятся под воду и в кору оболочки. Стадия каменного развития человеческого по-

сева не перешагнет в керамическую без явного вмешательства Главного Инженера Вселенной. Это искусственная эволюция, это «Пройденное Состоявшееся Не-здесь», и да простит меня Совет, но это уже есть.

Совет:

– Возражения приняты, что скажет Главный Куратор?

Главный Куратор:

– Голограмма «Возможного Состоявшегося Не-сейчас» показывает, что любой металл поработает носителя Свободного Выбора. Первое изделие из железа – оружие, а не инструмент, и даже инструмент используется как оружие. Искус Насилия превалирует у Свободно Выбирающего через Гордыню, основанием для развития которой служит обладание железом. Редкие металлы станут обменивать на более распространенные в обратной пропорции. Искус Власти – через Гордыню, основанием для усиления которой является обладание уже только редкими металлами. Гордыня, подчиненная железу, начнет сравнивать руду с душой, отдавая предпочтение руде, меняя на руду живых и делая мертвых во имя руды. Власть железа в «Вероятном Состоявшемся Не-сейчас» на сфере Гея в каждом Большом Цикле преобладает над Властью Великого Плана уже до середины пути. Вероятный эволюционный Финал-Переход сферы, насыщенной железом, – ее разрушение, учтен с точностью до семидесяти четырех процентов от Замысла Высшего Плана. Я закончил.

Совет:

– Гея, у вас двадцать шесть процентов на соответствие Замыслу Высшего Плана. По три четверти вероятностного потенциала забирают Власть (с помощью железа), Насилие (с применением железа) и Зависимость (рабство от железа). Готова ли сфера принять в свои райские кущи железного искусителя?

Гея:

– Он необходим по Замыслу Высшего Плана. Зависимость носителей Свободного Выбора от металлов порождена неверием Высшим Силам, отрицанием (через нейтрализованную Глубинную Память) самого их существования. Вспоминание и Вера не вернутся сами по себе, исключительно через Падение и Безверие, а их и обеспечивают металлы. Лишить сферу этого элемента – лишить носителей Свободного Выбора самой свободы и возможности выбирать. Одухотворение жесткой кристаллической решетки извлеченного из недр сферы куска руды, а не живой плоти, вылупившейся из яйца (как на других сферах), – вот истинное предназначение обитателей Геи.

Совет:

– Мнение принято, Главный Куратор, вам слово.

Главный Куратор:

– Одухотворение любой материи – одно из величайших таинств, ядром которого является Самопожертвование. Высший План одухотворяет собственной тканью, своей энергией, собой. Человеческие существа не имеют такой возмож-

ности в принципе. Одухотворить металл человек способен косвенно и только через отказ использования его в своих целях, лишь на всего сущего или другого существа. Просчитанная вероятность в семьдесят четыре процента объективно отрицает такой исход. Мы можем сверху одухотворить все руды, запланированные в сфере, но это будет другой мир, другая раса и... полный провал эксперимента. Я ради сохранения сколь-нибудь значимого результата Замысла настаиваю на изъятии и проведении запланированной эволюции без металлов. В противном случае, как показало «Вероятное Состоявшееся Не-сейчас», безумное количество эманаций открытой (пролитой) крови притянет центр Антимира из известного нам сектора Вселенной сюда, к сфере Геи. Я закончил.

Совет:

– Аргумент Главного Куратора принят как весомый для изъятия. Гея, тебе слово, и помни, у нас не дискуссия, представленный тобой аргумент ляжет на чашу весов принятия решения против Куратора. Начинай.

Гея:

– Напоминаю Совету и Главному Куратору, что «Вероятное Состоявшееся Не-сейчас» здесь и сейчас является всего лишь вероятным. Эксперимент Высшего Плана направлен на познание себя через наделение элемента себя, погруженного в специальные условия, свободой выбора. Частью специальных условий, наряду с опустошением Глубинной Па-

мяти и наделением духа тяжелой плотной оболочкой, является особым местом пребывания, то есть сферой, обогащенной одной двенадцатой частью всех элементов, составляющих проявленную Вселенную. Подобная роскошь не случайна, она есть результат расчетов Вероятных Состоявшихся Не-сейчас. Каждый элемент, минерал, металл, молекула занимают свое место в эволюции эксперимента. Познание Высшим Планом самое себя есть Риск, но предвиденный Риск, не доступный нашего уровня сознания. Мы – со-творцы Его, как и станут со-творцами души, посеянные на мою сферу, но, в отличие от них, мы лишены Свободы Выбора, а они пойдут через ее тенета, и мы обязаны помочь им, не забывая ресурсов, которые могут как и сбросить расу людей на нисходящие лучи, так и вознести к вершине эксперимента.

Совет:

– Ты закончила, Гея?

Гея:

– Нет, последнее слово. Посеву со Свободой Выбора я жертвую свое тело (для эксперимента Высшего Плана). Смирно принимаю их истязания металлами, взятыми у меня же, ради осуществления их эволюционного пути без ответных реакций со своей стороны, а именно: подвижки коры, излияние магмы, перемещения тектонических плит, смещение оси вращения.

Высший План:

– Гея, ты не можешь давать подобных обетов, ибо меха-

низмы, заложенные в тебе, остановке не подлежат, они – Законы Космогонии. Но жертва твоя принята мной. Ответные реакции сферы будут заторможены во времени, давая возможность посеvu осознать собственные деяния. Я сказал.

Гея:

– Смиренно принимаю судьбу свою и благодарю Высший План.

Совет:

– Совет принял аргументы Геи, исключив вмешательство Высшего Плана из взвешивания, и оставил числом голосов девяносто восемь процентов железные руды на сфере. Изъятия не будет. Что скажет Главный Куратор?

Главный Куратор:

– Принимаю решение Совета.

Совет:

– Секретарь Совета, сделайте запись в Великой Книге: «Вначале сотворил Бог небо и землю».

Воздух

– Где лучше дышится тебе:
На воздухе или в воде? —
Спросил рыбак у рыбы.

Вдох, и Жизнь в ее первопричине, втекая внутрь, делает тебя живым. Выдох, и снова Жизнь, сохраняя заложенный в ее суть такт, оставляет тебя в живых, давая возможность сделать новый вдох.

– Жизнь в дыхании, жизнь везде, где есть вдох, сменяющий выдох, – говорю Я.

– А где же тогда смерть? – возражаете Вы.

– А смерть между вдохом и выдохом, между жизнью и жизнью, и, значит, ее нет, – отвечаю Я.

Вы:

– Но люди умирают.

Я:

– Нет, они просто меняют дыхание.

Вы, с горькой усмешкой:

– Они просто не дышат.

Я, совершенно серьезно:

– Они дышат, но не воздухом проявленного мира.

Вы, предугадывая:

– Уж не воздухом ли тонкого плана?

Я:

– Да, тонким воздухом. В любом своем состоянии, в любой оболочке душа дышит. Я – вдох, вы – выдох в случае, когда вопрошаете вы, и наоборот. Дыхание есть обмен между средами или телами энергией, информацией, составляющими элементами, что, в общем-то, по сути, одно и то же.

Вы:

– Разговор – это дыхание?

Я:

– Конечно, и воздухом разговора является информация: вдох – чужая, выдох – своя, но переработанная под влиянием чужой.

Вы:

– А еще что?

Я:

– Например, вращение Земли вокруг Солнца.

Вы, язвительно:

– В безвоздушном пространстве.

Я:

– Здесь воздух – лучистая энергия, а вдох-выдох – смена дня и ночи и времен года.

Вы:

– Где же обмен? Солнце отдает, Земля получает, и все.

Я:

– Солнце отдает физический аспект энергии любви, а

получает взамен тонкоматериальный: улыбка ребенка раскрывшемуся бутону цветка, радость северянина от наступившего весеннего тепла после долгой зимы, благодарность крестьянина за налитые золотом колосья, любовь самой земли к дарующему жизнь источнику.

Вы, скептически:

– Хочешь сказать, что, нежась утром в своей кровати под лучами утреннего света, я отвечаю гигантской звезде (разумеется, на тонком плане) и оказываю ей тем самым некое вспомоществование?

Я:

– Можно даже сказать, в этот момент ты поддерживаешь термоядерную реакцию звезды.

Вы:

– Ты шутишь.

Я:

– Нет, но в пределах твоих возможностей.

Вы:

– И каковы мои возможности?

Я:

– Представь, что ты – блоха и тебя наняли кочегаром на паровоз, возьмем, к примеру, «Биг Бой». Выдали тебе блошиную лопату, и давай, сынок, поддай пару.

Вы:

– Это не смешно, что я смогу?

Я:

– Но вас, блошек, миллиарды.

Вы:

– Хорошо, убедил, но сравнение с блохой обидно.

Я:

– Не обижайся, главное «Биг Бой» тронулся с места.

Вы:

– Лучше давай про смерть, поподробнее.

Я:

– Что именно?

Вы:

– Душа начинает дышать тонким воздухом, а тело?

Я:

– Процесс гниения – тоже дыхание. Вы, извините, почивший, выдыхаете остатки старых энергий, Земля принимает их в свое лоно. Ткани, сотканые с помощью кормилицы Ма-тушки-Планеты, возвращаются к ней – Закон Сохранения.

Вы:

– Энергии...

Я:

– Вселенной.

Вы:

– А как дышат на тонком плане?

Я:

– Мыслью.

Вы:

– Мы после смерти мысленно общаемся друг с другом?

Я:

– В основном с Богом. Он спрашивает— вдыхает, вы отвечаете – выдыхаете, Он дышит Собой и познает Себя.

Вы:

– Интересно, что мы испытываем в беседах с Богом?

Я:

– Стыд.

Вы:

– Откуда ты знаешь?

Я:

– Если посмотреть на выдохи, их спектр в темно-серых тонах, что соответствует зловонию в тонком мире. Бог по большей части вдыхает запах грешников.

Вы:

– Поверить в это не могу.

Я:

– Многие деяния, что совершаются на Земле, напоминают плевки в Распятие. Кто бы задумывался об этом здесь, вдыхая привычный воздух, но Там мы стоим перед зеркалом и дышим на него, а за покровом дурно пахнущей испарины проступают наши истинные черты.

Вы:

– Знаешь ли ты, как избавиться от подобной беспечности?

Я:

– Делать то же, что и Бог, – дышать Любовью.

Вы, очень искренне:

– Дышать любовью здесь?

Я:

– Именно здесь, там ею дышит только Бог, а мы выдыхаем то, что в нас есть.

Вы:

– Научи как.

Я:

– Стоп, я не Учитель, я – вдох, ты – выдох. Забыл? Мы – дыхание.

Вы:

– Но ты только что поведал мне такое, о чем я не знал.

Я:

– Ошибаешься. Ты все это знал, точнее, знаешь, я просто запустил твое воспоминание.

Вы:

– Откуда я знаю то, чего не помню?

Я:

– Ты – частица Бога и как составляющая обладаешь знанием Целого.

Вы, с мольбой:

– Помоги мне вспомнить, как дышать любовью.

Я:

– Вспомни Иисуса, он делал это с самого рождения.

Вы:

– Что же именно?

Я:

– Источал в мир свою любовь, искренне и безусловно возлюбив ближнего и молясь за врагов своих, он заменил воздух любовью и дышал ею. Вспомнил?

Вы:

– Кажется, так просто.

Я:

– Так делает Бог, так делал Сын Бога, попробуешь?

Вы:

– А ты сам умеешь так?

Я:

– Если бы умел, ты бы знал.

Вы:

– Скорее, вспомнил бы.

Я:

– Да нет, в совместном дыхании мы едины. Коли дышит любовью один, второй делает то же, даже если не желает этого. Вспоминай, подле Иисуса и разбойники становились Святыми.

Вы:

– Точно.

Я:

– Земная атмосфера на тонком плане – это многоячеистая пространственная сетка, которую Бог заполнил своей Любовью, как пчелы запечатывают медом соты. Эта Любовь, по сути, и есть тонкий воздух, в проявленном мире который является чистым кислородом. Мы, люди, имеем ре-

зонирующие камеры – легкие. Вдыхая Любовь, мы либо обогащаем ее своею любовью, либо обедняем не-любовью. Не-любовь запаивает соты, и мы погружаем себя в соответствующее окружающее пространство. Облако не-любви, созданное человеком, привлекает к себе подобных людей, сущности и обстоятельства. Земной воздух – это посредник (один из нескольких) между Богом и Человеком. По дыханию твоему скажу, кто ты есть.

Вы, нарочито весело:

– А я думал, по деянию.

Я:

– Каково дыхание, таково и деяние. Дышите любовью, любовью и творить будете.

Вы:

– Ну а ночью, во сне, мы тоже дышим, но не грешим?

Я:

– Достаточно и того, что совершается днем, чтобы залить легкие. Во сне же, не пополняя сосуда, человек имеет возможность очистить его, вдыхая Любовь Творца.

Вы, снова с ехидцей:

– Освободить, так сказать, место для новых прегрешений.

Я:

– Не смешно, хотя и точно. Легкие разорвутся при таком поведении, не имей человек возможности их очищать. Видения во сне – это прямой диалог души с Богом как раз по причине большей, чем обычная, наполненности индивиду-

ма любовью.

Вы:

– Итак, чтобы дышать любовью, надо быть любовью.

Я:

– Да, верно.

Вы:

– Но это банально, хочешь быть счастливым – будь им.

Я:

– Банально, но верно. Бог создал Идеальный Мир – песчинка к песчинке на тверди, капля к капле в глубинах морских, молекула к молекуле в воздухе, душа к душе среди людей. Все ячейки изначально полны любви, ибо есть частицы Бога, всем даровано общение-дыхание, и в своих средах, и между сред, и с Богом. Принимаешь такой мир – дышишь любовью, не принимаешь – развиваешь пневмонию, порождаешь антимир.

Вы, явно умничая:

– Но воздух на три четверти из азота, и только четверть – кислород?

Я:

– Это определяется нашей чистотой и одновременно определяет нашу чистоту относительно Мира Бога.

Вы:

– Как это, одновременно?

Я:

– Так задумана земная среда. Человек оказывается в ней,

как в исходной точке, но меняя себя, он способен изменить и среду, а в частности, соотношение газов в воздухе.

Вы:

– Но тогда изменится и земная жизнь, флора и фауна, внешний облик?

Я:

– Именно. Земля, населенная Бого-человеками будет не похожа на нынешнюю.

Вы:

– Интересно, как она будет выглядеть?

Я:

– Вдохни любовь и выдохни любовь, увеличь содержание кислорода на долю одного дыхания отдельного индивидуума, и увидишь глобальные изменения вокруг.

Вы:

– Я вдыхаю.

Я:

– И я с тобой.

Вы:

– Я выдыхаю.

Я:

– И я с тобой.

Элементы

Безумие – не замечать следов
Прошедшего по водам Иисуса.

Сухой ветер гнул пшеничные колосья к самой земле, упорно укладывая соломинки невидимыми лапами на отвердевшее ложе посеревшего от солнца чернозема. Мелкие обитатели полей давно были сметены беспощадной метлой непрекращающегося много дней неведь откуда взявшегося ветродуя. Зверьки покрупнее забились в свои норки, да поглубже, и слушали оттуда, прижав испуганно чуткие ушки к вздыбленной шерсти, заунывную песню бури на незнакомом им языке.

Родившиеся в глубинах океана, подброшенные вверх гигантскими волнами, пенные шапки, прихватив с собой стайки мальков, крошки рачков и парашютики медузок, обернулись дождевыми облаками и, гонимые неутомимым дыханием воздушных потоков, понеслись с севера на юг, к берегам, встающим на их пути высокой неприступной стеной. Оставив на скалистых зубьях полуживых мальков на потребу крикливой пернатой братии, соленый ветер ворвался в дубравы и боры равнин, потеряв в их зеленом сите вопящих и беспомощных рачков. Осиротевший, толкаемый в

спину вращением сферы и температурным градиентом потомок океанских бурь избавился от лишних солей и скользких медузок, спекшихся на горячем песке, над бескрайней пустыней и достиг плодородных пастбищ и посевов срединных областей окончательно сформировавшимся суховеем.

Вместе с ним над водами и твердью носился Дух, крылами своими опираясь на изменчивые плечи его и осматривая пристально Новый Мир, всплывший из Рук Абсолюта, подобно вырастающей из куска глины прекрасно-формной амфоре, рожденной гончарным кругом и пальцами Мастера, в бесконечности Вселенной.

Пройдет время, и пустынные ныне просторы тенистых лесов и цветочных ковров, горные склоны, укрытые снежными колпаками и испещренные быстрыми ледяными потоками, что несут свою благодать в русла широких и спокойных рек, заселят Богоподобные существа, каждого из которых Абсолют наградит собой, а пока здесь и сейчас Духу нужно выбрать основные Элементы этого мира, те субстанции, что будут определять его развитие, и одухотворить их, то есть создать потенциал к образованию элементами собственных царств.

Дух осознавал ответственность своей миссии, ибо как аспект Абсолюта участвовал в сотворении Мира от Слова. Всепроникающий взор его скользил по тканям и сухожилиям планеты, заглядывал в жерла вулканов и опускался на океанское дно в поисках истин, связующих многообразие различ-

ных сред и субстанций в единую плоть, и выбора основ, будучи одухотворенными, которые станут краеугольными камнями эволюционного здания этого Мира.

Магма подходила по количеству и подвижности, но Дух отверг ее как Элемент, создав аналогию Рая на поверхности сферы, вряд ли Абсолют наделит Богоподобных огненными телами для обитания внутри. Столь же объемна и текуча вода, покрывающая большую часть поверхности земли.

«Она подойдет», – решил Дух и погрузился в пучины Первого Элемента. Вся субстанция была Мертвой. Дух как аспект Абсолюта наделил собой (вибрационным кодом) каждую молекулу, не поленившись отметить на ледниках и вымазаться в болотной жиже. Стала ли после этого таинства Мертвая вода Живой? И да, и нет. В своем потенциале. Мертвая вода трансформируется в Живую (Святую) запуском механизма, заложенного Духом, что откликается на молитву истую и на Веру искреннюю.

Покинув последнее место с пресной водой (то был еле приметный ручеек, пробивавшийся из-под камня и тонкой голубой змейкой терявшийся в высокой луговой траве), Дух воспарил в небеса, задаваясь вопросом: велик водный мир и удобен для жизни, но более свобод деяниям и передвижениям дает твердь, и не менее вероятен План Абсолюта поместить Богоподобных на нее. После чего Дух спустился на землю, не касаясь ее ни стопами, ни крылами. В отличие от однородной толщи воды земные рельефы были неподвижны,

закостеневши, но многообразны и причудливы. Дух осознал это, когда, разобравшись с огромными солеными резервуарами, выискивал реки и озера, да не те, что бегут по равнинам, не скрываясь, или грохочут на крутых склонах, задолго предупреждая о своем безудержном существовании, но те, что маскируют свои воды в лесных чащобах или вовсе прячутся под землей, выпрыгивая наружу игривым водопадом, и снова ныряют в расщелины, чтобы затем исчезнуть в недрах сферы. Да, земная поверхность предоставит будущим обитателям множество вариантов существования и развития – быть ей Вторым Элементом. Дух трижды обогнул планету, выбирая место для кодирования. Райские красоты, воплотившиеся в плотном мире Волею и Словом Абсолюта, поражали и восхищали, но всякий раз, пересекая неприметную каменистую местность с редкими деревьями и кустарниками, Дух порывался спуститься в определенном месте, и на третьем круге он сделал это.

На вершине небольшой горы стопы его, как и крылья, коснулись камней, и Дух сошел вниз.

– Этой земле быть Святой и называться таковой, ибо прославит ее не Богоподобный, но Сын Его, всю же сферу одухотворят Богоподобные сами, коли будет на то воля их, – произнес Дух и воспарил над землей, над миром.

След этот, не видимый здесь, в тонком плане засиял ярчайшей Стеллой, имя которой Вознесение.

Вдоволь налюбовавшись содеянным, Дух спустился вновь

с небес на землю, а поскольку день третий от Замысла Абсолюта уже минул, то орошенные водами, чистыми и одухотворенными, равнины и доли, а кое-где и горные склоны, украшены богато были деревьями да травами, и стояло деревьев великое множество, и каждое плодоносило и осеменяло почвы и разрасталось буйно.

– Вот зеленый океан, полноводный, густолистный, кормящий и себя, и землю, и Богоподобных (коли здесь появятся), так быть ему Третьим Элементом, – твердо решил Дух, касаясь крылами своими изумрудных макушек. – Дерево и накормит, и защитит, и украсит, и сбережет – таково будет его эволюционное предназначение.

С помыслами этими Дух носился над зарождающимся Царством Растений, вкладывая Код свой в каждое семя, что, придет время, упадет в землю и, раскрыв скорлупы и сбросив шелуху, явит миру себя заново, но уже в духе с возложенной Абсолютом задачей – восстановлением воздушной оболочки сферы.

И в третий раз воспарив от забот земных в просторы небесные, не нашел аспект Абсолюта элемента столь объемного и всераспространенного, как выбранные им уже, и озадачился сим фактом, но всколыхнулись хляби небесные, грянул гром, и молния, быстрая и точная, коснулась стрелой огненной дуба, горделиво возвышающегося меж собратьев своих. И вспыхнул дуб, сменив зеленую крону на пылающую корону.

– Вот же подвижность невиданная и объемность возрастающая, – воскликнул Дух, – искра малая, зацепившись за среду подходящую, сметет, сожрет, поглотит эту среду, сколько бы ее ни было. Как не Огню быть Четвертым Элементом? Он, как и дерево, защитит и накормит, но если дерево трансформируется в форму свою, то огонь трансформирует форму чужую. Его вклад в эволюцию будет не меньше.

Дух был возбужден (не в смысле ускоренного хлопанья крыльями, но в учащении собственных вибраций), огонь даже в проявленном плане был близок ему по сути. Одухотворение этой субстанции было очень важно, хотя и тонко. Сила огня разрушительна не менее его созидательной составляющей. Богоподобные (если только не будут помещены в лоно океана) столкнутся с ней на своем пути неоднократно.

Если святость древа постояльцы сферы будут ощущать физически, стараясь окружать себя предметами из древесины и строить деревянные жилища, то святость огня нужно ограничить в доступе, дабы не пустить жаркие пальцы его во вред.

Решено, один раз за период обращения сферы вокруг звезды Богоподобные молитвами громкими получают Святой огонь, и да не опалит он рук их. А коли возжелают Богоподобные иметь у себя Огонь, когда надобно, станут Богочеловеками. Закончив мысль, Дух ринулся к пламенеющему дубу и, перекодировав пламя, снял крылом пылающую шапку с дерева. Белки на соседних кронах от удивления вытаращи-

ли глаза: ярко вспыхнув на секунду, самый большой дуб в лесу вдруг погас, и от него остался обугленный дымящийся ствол, торчащий посреди зеленого моря одиноким уродливым костылем.

Дух же, отлетев подальше от запаха гари и беличьей суеты, вновь озадачился выбором последнего Пятого Элемента. Здесь речь не шла о чем-то глобальном, монументальном, но, вместе с тем, эта субстанция должна быть распространена по всей сфере, быть доступной и активной (в смысле формирования эволюции будущих поселенцев). Просканировав водные и воздушные пространства, Дух обратил свой взор к тверди, но уже не к поверхности ее, а к глубинам. Кроты, земляные черви, уже успевшие перегнить останки растений, а также алмазы и рубины (материалы нужные, но уж больно редкие) Дух не интересовали, а вот металлы. Различных свойств и качеств в достаточном количестве: да коснись их своим жгучим языком огонь, а затем остуди хладными струями вода – этот элемент годился для одухотворения. «Быть ему Пятым!» – Дух не сомневался в правильности выбора. Богоподобные, оценив древо и приручив огонь, разберутся и с металлом, сомнений нет. Святость же он обретет, когда научится зашивать раны, а не вскрывать их, а, пройдя этот путь первым из Элементов, отомрет за ненадобностью, не оттого, что иссякнут запасы его, а потому что заменит этот элемент Дух, как и все остальные, по очереди, ибо Элемент, заполненный Духом до краев, перестает быть элементом, но ста-

новится Духом, Духом Святым.

Голос

Не сон ли это, ясно слышу: «Встань».
И чувствую всем сердцем сквозь одежду
Касается меня, невежду,
Христа пылающая длань.

Я умер. Это случилось просто, я бы даже сказал, обыденно. Не защищая дом свой и семью с оружием в руках от врага, не спасая из бушующего пламени несчастного котенка, не ныряя в ледяной поток за тонущим ребенком, не рухнув на сцене, освещенный софитами и всеобщим обожанием, не в собственной постели с печальным священником в изголовье и толпой рыдающих родственников вокруг, в общем, не прилюдно и не приглядно.

Я сидел за столом, собираясь воткнуть иглу в подошву видавшего виды башмака, что достался мне от отца, а ему в свою очередь от деда. В те времена умели делать обувь, а посему башмаки, повторив все неровности пращуровых ступней, верой и правдой послужили моему родителю, сформировав заодно по образу и подобию дедовых и его ноги, а затем благополучно исковеркали и мои. Но век их, и без того немалый, наконец-то вышел – тысячи дорог, не прямых и каменистых, сделали свое дело, правый башмак развалился,

удивленно распахнув кожаную пасть на открывшийся мир и впервые в своей жизни проветрил зловонное чрево. Окружающие красоты, невиданные им доселе, так захватили нехитрое воображение, что пасть схватила первый лежащий на ее пути камень, который оказался не по зубам – я споткнулся и, не выпуская из рук старенькой лопаты, полетел наземь оловянным солдатиком. Встреча с матушкой-кормилицей была короткой, но запоминающейся. Мой подбородок с трудом, но все-таки пережил страстный поцелуй, а вот лопата и башмак – нет. Оба предмета раздвоились, голенище рассталось с подошвой, а черенок с пластиной. Поминая деда изошренными словесными конструкциями, я, собрав обломки собственного величия, отправился домой, дабы учинить (нет, не скандал, я жил один) ремонтные работы на испорченном имуществе.

Итак, как уже было сказано ранее, я сел за стол, достал иглу, и... сердце мое остановилось, я умер. Кто-то, много лет вливающий из бесконечного Кувшина Жизни в мой сосуд Живую Воду, вдруг сделал кистью движение вверх, и струя оборвалась, сосуд опустел.

– А кто из нас не умрет? – заметите вы.

– А кто из нас не умирал? – отвечу я, но все равно как-то обидно.

Иголка выпала из рук, я уткнулся лбом в вонючую подошву, один, в продуваемой всеми ветрами халупе, стол, два стула, на единственной полке ни наград, ни кубков, ни грамот,

только лупа с треснувшим стеклом и высохший сверчок, заморенный долгим пищевым воздержанием.

Что я делал в этом мире? Для чего Творец создавал мое тело, воздух, которым я дышал, воду, которую пил, пищу, события, дни и ночи, дожди, звездопады, дедовы башмаки и злополучный камень на сегодняшней дороге? Я никогда не задавался подобными вопросами, и вот стоило умереть, чтобы начать мыслить. Удивительное дело.

Склонившийся над столом недвижимый человек меня уже не интересовал, так же, как и сломанная лопата. Восстанавливать ее было бессмысленно – гнущее, полуржавое полотно давно с трудом вгрызалось и во влажную почву, а треснувший на сучке черенок только и ждал своего часа. Но жизнь лопаты не казалась такой пустой, как моя собственная, не говоря уже о башмаках деда, переживших три поколения. Кстати, я облетел (удобное преимущество бестелесного существования) усопшего, рассмотрев со всех сторон. Почему я считал себя симпатягой? Крючковатый нос, распухший (ну, это от недавнего падения) подбородок, низкий лоб, лысина – обычный уродец.

– Покружишь еще? – прервал мое самолюбование Голос.

– А какие варианты? – спросил я, пытаюсь понять, кто говорит и откуда.

– Можно Домой, а можно и обратно, – Голос был ровным, но мне показалось, что в нем промелькнула ирония.

– Почему такая честь? – решил подыграть я Голосу.

– Ты вопрошал, а вопросы оставляют след внизу, якорь. Он держит серебряной нитью тебя здесь и тебя там, – Голос был серьезен.

– Если я выберу Дом, – подумав, спросил я, – что меня ждет?

– Рай, – коротко ответил Голос.

– Рай? – удивлению и радости моей не было предела. – За что?

– Ты выполнил Контракт, – я почувствовал гордость в его интонациях. – Грозный тиран, отнявший многие жизни в прошлом круге, не лишил намеченного Пути ни одно живое существо в нынешнем. Ты – Герой.

– Я ничего не помню.

– Дома вспомнишь, – Голос стал мяче.

Меня очень сильно тянуло вверх, подальше от жилища бедняка, от вечной борьбы с засухой, голодом, ломающейся лопатой, дырявым башмаком и одиночеством.

Я с детства был один. Родители и соседи удивлялись, отчего мальчик не играет со сверстниками, а уединяется на чердаке или пропадает в поле целыми днями. Мне же казалось все вокруг мелким и убогим. Деревянные мечи в руках соседских мальчишек смешили, мягкость отца раздражала, а неуклюжие материнские ласки вызывали затаенную злобу и гнев. Деревенские домишки про себя я величал не иначе, как крысиными норами, а крестьянский труд – рабством ничтожных. Но то была одна часть моей сути. Другая же, тихо-

голосая и неторопливая, разговаривала со мной в укромных местах о смирении, о созерцании рассветов и закатов, о жизни, как о хрупком цветке, сияющем, прекрасном и неприкосновенном, ибо любоваться им может каждый, но прикасаться – только Садовник, посадивший его.

На чердаке родительского дома я хранил закопанный в солому меч. Не деревянная кургузая палка, а настоящий железный клинок, найденный в канаве на окраине деревни. Когда мальчишки на улице лупили друг друга своими поделками, рука моя тянулась к нему, и, достав свое сокровище, я рассекал спертый воздух чердачного пространства, на удивление ловко обращаясь с оружием. Как мне хотелось, скатившись по лестнице, выскочить на улицу, врезаться в самую гущу боя и разогнать недоделанных рыцарей одним своим видом, но вторая половина меня, напоминая о чем-то, охлаждала юношеский пыл, и я дрожащей от возбуждения рукой зарывал меч-искуситель обратно в хрустящую солому.

В десять лет отец поставил меня перед выбором. Вызвав во двор, он указал на два предмета – это были лук и лопата.
– Сынок, – произнес отец, – пора определиться в жизни. Ты можешь стать охотником или землепашцем. Выбирай.

Я взял лук, вложил стрелу и, почти не глядя, всадил ее в соседское пугало, подняв возмущенную стаю ворон, облепивших его черными гроздьями (сказались ежедневные тренировки в лесу, о которых никто не догадывался).

Отец одобрительно крикнул. Затем я поднял лопату и, по-

вертев ее в руках, ткнул в землю. Кромка полотна, угодив на камень, тут же погнулась. На сей раз отец сурово покачал головой, а я твердо заявил:

– Буду землепашцем.

Он внимательно посмотрел на меня и, подумав, ответил:

– Может, ты и прав.

Я сделался землепашцем. Это ремесло давалось мне плохо, а точнее, вообще не давалось. Я не чувствовал земли, не внимал погодным переменам, не слышал голоса семян. Посевы мои были скудны, урожай мал, я был беден и голодал, ни одна женщина не захотела связать со мной свою судьбу. Но тем не менее я продолжал такое бытие, будучи твердо уверенным в его правильности, ибо слушал голос, что звучал внутри меня.

«И вот теперь мое упорство вознаграждено, мне обещан Рай. Один шаг до рая», – думал я.

– Один шаг, – подтвердил Голос.

– А если я вернусь? – вдруг неожиданно для самого себя выпалил я. – Что меня ждет?

– Ад, – снова коротко ответил Голос.

– Ты всегда так шутишь? – вымолвил я, опешивши.

– Это не шутка, – Голос опять был ровным.

– В чем же выбор, если он очевиден?

– Рай нельзя изменить, Ад – можно.

– И все же выбор очевиден, – я пытался понять его истинны.

– Не очевиден, – Голос был бесстрастен.

– И кто-нибудь был хоть раз смельчаком? – позлорадствовал я.

– Христос, – Голос дрогнул, а я заткнулся, мечтая от стыда провалиться сквозь... воздух.

«Сын Божий выбрал спуститься в Ад, чтобы трансформировать его в Рай, но это Сын Божий», – так думал я, поглядывая на бездыханную оболочку возле стола.

– А если он стал Сыном Божиим только после своего решения? – Голос вопрошал, взывал ко мне и... сделался знакомым.

– Откуда я тебя знаю? Я уже слышал тебя? – спросил я у Голоса, почти догадываясь об ответе.

– Ты слышал и, главное, слушал меня всю свою жизнь.

– Кто же ты?

– Твое высшее «Я».

Смерть, на удивление, принесла мне множество открытий и, по сути, никаких неприятностей. То тихое, едва уловимое во мне оказалось путеводной звездой, настоящим «Я», не властителем мира, не нищим, не Бог знает кем еще, а истинной от Истины.

– Что бы сделал ты? – спросил я у своего «Я».

– Если можно вернуться, не важно куда, чтобы исправить, надо возвращаться, – ответил Голос.

– Даже в Ад? – уже почти не пугаясь, сказал я. – Ведь со мной будешь ты, правда?

– Вернувшись, ты не вспомнишь этого разговора... я замолчу совсем, таково условие сохранения Баланса. Возвращение открывает Новый Контракт. Решай.

Я вспомнил лук, лопату и подумал: «До Рая был один шаг», – и снова «поднял лопату».

Открыв глаза, человек у стола оторвал голову от подошвы, потер распухший лоб, на котором отпечатался рисунок обувных гвоздей и взялся за иглу.

Потоп

Иссякни дождь, когда волна
Уже не встретит противленья,
Пусть встанет красная луна
Над бесконечным отраженьем.

– Ной, что ты знаешь о Потопе? —

Спросил у Ноя Дух Земли.

Ной, отойдя от перископа,

Ответил:

– Мы все время с ним.

Доведись вам в то время, о котором пойдет речь, оказаться в Сен-Мишеле, и лучше не в облике человеческом, а в упругом теле чайки, чтобы, с комфортом оседлав монастырский шпиль, приглядеться в западном направлении, то вы обязательно приметили бы на берегу залива странную троицу. На мокрой плашке скалы, облепленной молодыми устрицами, устроились Ученик, Учитель и Архангел Михаил.

Холодная мутная вода, минуту назад скрывавшая по щиколотку ноги юноши, вдруг галопом сорвалась в сторону Ла-Манша, обнажив вязкий серый песок и гладкие розовые пятки Ученика. Учитель, предпочитавший доселе не мочить без

толку ног, спустился со скалы на песок и тут же увяз в нем.

Ученик рассмеялся:

– Учитель, вы старательно оберегали свои стопы от воды, но стоило ей последовать за небесной спутницей Матушки-Земли, как вымочили их в мокром песке.

– Мой друг, суждения твои поверхностны, не в силу умственных пределов, но по причине юных лет. Оттого ты и плескался в холодной воде, не принося пользы ни телу, ни душе. Я же погрузил чресла свои в пески, полные водорослей и останков мелкой морской живности, в гниении своем и союзе с солями дающих целебный эффект суставам, а также способствующих заживлению трещин раскрывшейся кожи.

И Учитель с удовольствием потоптался на месте, увязая в лекарственную массу все глубже. Молодой человек, глядя на блаженную мину старика, присоединился к нему, морщась от незнакомых ощущений и вскрикивая всякий раз, когда острые осколки ракушек впивались в подошвы ступней.

– Не могу присоединиться к вашим плотским удовольствиям, весьма неоднозначным, судя по ауре юноши, – влился в разговор Архангел, – но хочу напомнить, что за отливом следует прилив, более скорый в своей прыти, и, увязнув по уши, есть шанс захлебнуться до того, как выберешься.

– Ты ведь сейчас не о песке? – понимающе спросил Учитель.

– Я сейчас о любителях глубокого погружения в вопрос, – улыбнулся Архангел.

Ученик с нескрываемым интересом наблюдал за происходящим. Картина была довольно комична – Учитель, невысокий седовласый сгорбленный старикан, задрав полы своего плаща, стоял, уже по колено погруженный в зыбучий песок, отчего казался еще меньше ростом. Над ним возвышался светящим коконом Михаил, отражая начищенными латами лучи заходящего солнца. Они оба, не сговариваясь, но, видимо, уловив нечто необъяснимое, вдруг повернулись к юноше и одновременно произнесли:

– Речь о тебе.

Молодой человек от неожиданности хлопнулся задом на мягкое песчаное дно, чем вызвал бурный восторг у обоих представителей этого и загробного мира.

– Друг мой, – сказал Учитель, протягивая руку, – не пугайтесь и не удивляйтесь. Из нас троих вы и в самом деле натура, ищущая глубин.

Ученик отчаянно замотал головой.

– Да, это легко объяснить, – продолжил как ни в чем не бывало Учитель. – Познав истины, земные и небесные, потратив на это остроту глаз и телесную крепость, мне хочется вернуть силы плоти, дабы мудрость обручилась с молодостью. Такой вот обратный путь, такой вот парадокс. Что же касается Архангела, так он вечно пребывает на самом дне Истины, и, следовательно, нет ему нужды в погружении, ибо уже погружен.

– На этом берегу в качестве истинного Ищущего остались

только вы, – подытожил Михаил, – вопрошайте.

С громким чмоком оторвавшись от песка не без помощи Учителя, удивленный до крайности Ученик спросил:

– О чем?

Архангел, по обыкновению, близкому к традициям этих мест, легонько коснулся лба юноши своим копьем и сказал:

– О чем пожелаешь. Одну из Истин открою сегодня вам, для того здесь стою.

Молодой человек потерял лоб. Он был обескуражен таким поворотом событий и грузом ответственности, свалившимся вдруг на неокрепшие плечи. Мудрость, полученная из уст Учителя, на тему, им же предложенную, – это одно. В паре Ученик-Учитель первый занимает, как правило, пассивную позицию. Сейчас же неземное существо высшего порядка может приоткрыть дверь к знанию им обоим, но какую дверь, нужно решить (или придумать) Ученику. Пока сомнения проветривали юную голову, ледяные воды Атлантики скрыли колени Учителя и нащупали голени самого Ученика. Прилив начался неожиданно и быстро занимал оставленные позиции. Теперь уже молодой человек помог своему Учителю выбраться из песчаного капкана, и они вдвоем вернулись на скалу.

– Настоящий потоп, – с восторгом провозгласил Учитель, стряхивая с ног мокрый песок.

Ученик вскинул брови и выпалил, глядя на Михаила:

– Что есть Настоящий Потоп?

Тот удовлетворенно кивнул головой:

– Воистину, глубоко копаешь, – и тут же обратился к Учителю. – А что ты ответишь на этот вопрос?

Учитель, умудренный знанием того, что самые сложные вопросы – это простые, ответил вопросом же:

– Есть что-то новенькое по этому поводу?

Архангел, доверительно усевшись между старым и юным слушателями, сообщил:

– Есть.

– И в чем новость? – нетерпеливо заерзав на влажном камне, спросил Ученик.

– В том, что Творец не занимается массовым утоплением своих сынов и дочерей.

– Он поручает это кому-то другому? – не унимался глубоко копающий исследователь.

– В соответствии с Законами Мироздания рычаги, регулирующие баланс планеты, будучи перегружены людскими грехами, срабатывают против них, – монотонно и нравоучительно продекламировал Учитель.

– Нет, нет и нет, – коротко прервал догадки собеседников Михаил и, повернувшись ко все еще отряхивающему ноги старцу, добавил. – Мерлин таким же тоном поучал Артура, до хорошего это не довело.

– А что произошло? – поинтересовался Ученик.

– Артур сбежал, предварительно подпалив бороду своему учителю, – Архангел запереливался желто-огненными спо-

лохами.

Юноша прыснул, а Учитель потрогал свою не слишком пышную бороденку.

– Я не сбегу, – успокоил его Ученик.

– Ты и не Артур, – буркнул старик, – впрочем, спасибо. Но вернемся к потопу. Если не Творец, не ангельские помощники и не законы Универсума, то кто или что?

Михаил вытянулся во фрунт, поправил огненный шлем на челе и, приставив копьё к ноге, ответил:

– Сам Человек.

– Я так и знал, – хлопнул себя по коленям Учитель.

– Откуда, Учитель? – спросил изумленный Ученик.

– Если не Творец и не Земля, то остаются Человек и Антихрист. Для Антихриста люди – пища, зачем губить то, чем питаешься, значит, Человек, – Учитель театрально развел руками. – Вуаля.

– Вывод правильный, – подтвердил Архангел.

– А каков механизм? – воскликнул Учитель.

– Да, как это происходит? – присоединился к нему Ученик.

– Планета заполнена водой, и в недрах, и на поверхности, и над ней. Человеческая оболочка также полна вод, разных составов и качеств, без периодического смачивания она все погибает, даже пребывая в самых благоприятных условиях существования. Связь с этим Элементом самая сильная, влияние Человека на воду столь же велико и фатально,

как и воды на человека. Человек есть вода больше, чем все остальное.

– Но потоп происходит, когда... – начал было Учитель, но Архангел сверкнул молнией над Сен-Мишелем:

– Потоп происходит в сознании сначала одного, затем многих, а набрав критическую массу, становится Всемирным Потопом.

– Понятно и непонятно, – задумчиво вставил Учитель.

– Отравляя свои внутренние воды, мы отравляем воду океана? – предположил молодой человек.

– Выдать землекопу лопату подлиннее, он уходит вглубь, – одобрительно воскликнул Михаил, – будешь продолжать в том же духе, заберу тебя к себе, на правый фланг.

– Спасибо, но пока рановато, – испуганно заметил Ученик.

– В свое время, в свое время, – заулыбался Архангел.

– От гнева вскипает кровь, – завопил вдруг Учитель.

– Злоба вздыбливает желчь, – вспомнил ранее прочитанное Ученик.

– Зависть осушает суставы, – продолжил Михаил, – грехи и пороки сознания нарушают течение внутренних вод, загрязняют их, останавливают плотинами, закручивают потоки в водовороты, ослабляют, сужают, лишают жизненной энергии.

Архангел умолк, перечисление процедуры подготовки потопа не доставляло ему удовольствия.

– И что дальше? – спросил притихший Ученик.

– Вода как Единый Элемент воспринимает болезнь отдельных клеток на уровне Духа в качестве их обездушивания и направляет к ним свои запасы на оздоровление.

– Получается, Всемирный Потоп – это благо, помощь Человеку со стороны Воды? – заметил Учитель. – Поразительно.

– Одухотворенная Суть заполняет собой бездуховное пространство? Это жертва, – сказал Ученик.

Прилив закончился, как и день. Сен-Мишель погрузился во тьму. Два человека и один ангел смотрели на отражение луны, выглядывающей из-за стен монастыря, и думали о воде. Сколько тел забрала она, сколько жизней впитала, сколько раскрытых от ужаса глаз видели ее последней, и всем им она спасла души, ибо принесла с собой в их пустые оболочки дух по возложенному на нее предназначению Основного Элемента.

Доведись вам побывать в Сен-Мишель, в любое время, как получится, заберитесь на западную монастырскую стену и присмотритесь к побережью, там обязательно увидите осколок плоской скалы, хранящий разговор между Учеником, Учителем и Архангелом Михаилом. Не поленитесь добраться до скалы, чтобы посидеть на влажной каменистой спине, промочить ноги в прохладных водах залива, и да не коснется вашей души Потоп, дабы избежать его всемирных последствий.

Мы все заблудились

Адам не любил яблок с самого рождения, хотя не знал, было ли оно, ничего не помнил из детства (его будто и не было), словно в непроглядном тумане пряталась юность, и там же заодно скрывалась его мать. Адам просто однажды открыл глаза и... вот он уже есть. Когда вы просыпаетесь в своих постелях, вы тоже новы, но ощущения своего тела (не всегда приятные), воспоминания снов (лучше бы их не было) и осознание себя как индивидуальности с прошлым (в соответствии с возрастом) моментально приводит ваш внутренний мир в равновесие.

Всего этого Адам, вошедший в Мир в готовом теле, был лишен. Ничего не беспокоило по причине новизны, ни о чем не думалось по причине пустоты – кошмар. Помимо отсутствия на белоснежной карте истории жизни Адама матери, в наличии не было и отца. Нет, он, конечно, имелся и вел ежедневные беседы с сыном, но по непонятной причине не являл свой облик. Представить себе подобное можно, но уж больно печальная получается картина, а это, в свою очередь, негативно влияет на пищеварение – отсюда, видимо, нелюбовь к яблокам.

Ева, напротив, обожала фрукты, все, что попадались ей под руку, не брезговала она и яблочками, долго смакуя их

мякоть прелестным ртом на глазах Адама и смешно выплевывая косточки, сначала на ладонь, а уж потом на землю. Возможно, ее легкий нрав объяснялся тем, что она также не имела матери и довольствовалась редким общением с невидимым отцом, но у Евы был Адам, ее прошлое, ее точка отсчета. Первое, что она увидела в своем Мире, был он, перво-родное, а если точнее первозданное, одиночество Еву не коснулось. Ее Раем стал прежде всего задумчивый Адам, а уж потом праздно голосащий Сад, полный плодоносящих древ и порхающих птиц. Между ласк шелковистых трав и печальным омутом его глаз Ева всегда выбирала погружение в таинственные воды человеческой сути.

Адам, в свою очередь, обнаженный отсутствием опыта, искал опору в будущем, подолгу пропадая в райских кушах, не желая делить свое одиночество с Евой. Отец в такие минуты никак не проявлялся, предоставляя возможность сыну поработать самому с собой. Натыкаясь в самых неожиданных местах бескрайнего Сада на Еву (для которой встречи, естественно, неожиданными не были), Адам отводил глаза от ее пристального взгляда и старался побыстрее закончить разговор. Все это выглядело приблизительно так.

Ева:

– Адам, вот и ты!

Адам:

– Вот и я.

Ева:

– Что делаешь?

Адам:

– Живу.

Ева:

– Как поживаешь?

Адам:

– Так же, как и всегда.

Еве нужны были омуты Адама, она чувствовала (как всякая женщина), что они есть врата, хотя и не догадывалась к чему. Чтобы увлечь его, Ева говорила:

– Пойдем, отведаем яблоч, моих любимых, ярко-красных.

– Ты же знаешь, я их не ем, – сердито отвечал Адам и спешно покидал огорченную Еву.

Подобные встречи происходили с завидной частотой во множестве вариаций, но всегда с одинаковым исходом. Он не открывал ей душу и рушил ее мир, она, не понимая его, настаивала на своем (яблоке) и отторгала его, Отец молча наблюдал и наконец констатировал:

– Они заблудились.

Адам мечтал о будущем, жил этой мечтой, но отвергал его из рук Евы (яблоко познания преспокойно висело на ближайшем древе), не зная, что именно для этого пожертвовал свое ребро.

Ева жила настоящим, наслаждаясь дарами Сада, но ей не хватало главного приза от Отца – ее Адама. Для полноты настоящего в нем должен был присутствовать он, но, пытаясь

вовлечь желанный плод в свою орбиту, она выталкивала его через одиночество, через непонимание себя из Сада, совершенно не подозревая об этом.

Взирая сверху на концентрические кольца Рая, Отец видел, как сын его предпочитает двигаться радиальными путями, пробиваясь через живую изгородь, разделяющую уровни осознания, в отличие от дочери, проходящей вдоль зарослей, стараясь не наносить ран телу и не доставлять неудобства душе. Ее кольцевые пути занимали больше времени (кто его считает в Раю), но были менее утомительны, и, выходя на встречу с Адамом, Ева, подкрепившаяся по дороге плодами и ягодами, выглядела спокойной и уверенной в себе. Дальше (как нам известно) они разлетались, в некотором роде обновленные встречей, при этом выделяя энергию несостоявшейся любви.

Отец улыбнулся, именно так работали все его небесные светила (сближая элементарные частицы, Он получал, помимо новых частиц, достаточно тепла и света для образования сложных форм жизни), но с одним отличием – они выдавали в Мир любовь. Заблудшие создания генерировали противоположный Его Замыслу эффект и поэтому страдали. Свобода их поступков и решений, заключающаяся в Его молчании, приносила неожиданные плоды. Суть, имеющая неограниченные направления осознания себя и познания Мира, выходила загадкой для своего Создателя. Отцу мало было выделить часть себя, но для лучшего и более полного прочте-

ния Я Есмь Он выпустил эту часть из рук, вывел ее из-под собственного влияния. Пример Адама и Евы позволил теперь сделать вывод, который Отец сформулировал чуть шире предыдущей констатации:

– Мы все заблудились.

Разлетаясь в не-Любви, души отдалялись от вершины Рая, Ева в своем спиральном движении вниз, Адам туда же, но напрямую. Заложенные в них Божественные Сути притягивались, они встречались вновь и вновь, но каждый раз уровни осознания становились все ниже и ниже. Первые люди семимильными шагами направлялись к Выходу. Отец, собственным Намерением не вмешивающийся в их траектории, создал нарастающее воздействие хаоса на внутреннюю гармонию. Стройная (в своей жесткости) система, получив свободу связей и векторов, разбалтывалась. Чистая любовь Духа блокировалась оболочкой души, плоть, как глухая стена, не пропускала лучи Света. Будущее расы разделенных по полу и проявленных во плоти грозило пойти по абсолютно неуправляемому сценарию, схожему с делением ядер.

Отец, знающий все, и что впереди, и что позади, молвил:

– Изменение-через-подобие.

И Сад обзавелся на нижнем уровне не-Любовью, запертой в вертлявое и скользкое тело Змия. Ему поручилось упрощение вибраций Чистой Любви до любви плотской, дабы пусть с меньшего, но зачнется великое. И да будет в этом предназначенный Путь потомков Адама и Евы.

Адам не любил яблок с самого рождения. Сейчас он вертел в руках ярко-красный спелый плод и думал, поглядывая на Еву: «Она здорово изменилась после того, как я согласился попробовать ее любимый фрукт».

К ароматам, источавшимся алой кожей яблока, примешивался запах ее волос (ранее не замечаемый Адамом), желание прикоснуться губами к чудесному плоду перебивалось влечением сделать то же самое с ее ланитами (и откуда это взялось), да и само ее присутствие, всегда вызывавшее раздражение, вдруг стало приятным, радостным и даже необходимым. Адам сам, через рождающиеся чувственные ощущения, заходил на ее орбиту.

Ева широко улыбалась, глядя на Адама, застывшего над яблоком, тем самым, что сама надкусила вот-вот только что, спасибо желтоглазому шнурку, который извиваясь под ногами и щекоча пятки, направил ее к нужному дереву. Плодов на нем висело только два, удивительный факт для Сада, где плодоносило все и в неограниченных количествах. На вкус плод был кисло-сладкий, но быстро утоляющий голод и вызывающий легкое головокружение. На миг у Евы потемнело в глазах, и она присела на траву. Проморгавшись, Ева взглянула на Сад измененным сознанием.

- Я другая, – сказала она.
- Ты красивая, – прошипел шнурок.
- Что есть красота? – спросила Ева.
- Это оружие, – ответил вертлявый спутник.

– Оружие? – непонимающе вздернула бровь Первая женщина. – А это что?

– Оружие – это власть, – желтоглазый черным ожерельем улегся на ее шею.

– Власть над кем? – уже с интересом спросила Ева, поглаживая пригревшуюся змею.

– Над Адамом.

– Но Адам – это мир, мой мир.

– Значит, над Миром, – шипение напомнило птичий свист.

– Мир будет моим? – кокетливо улыбнулась Ева.

– Конечно, твоим, через Адама.

– Но он избегает меня, – обиженно надула губки «властительница мира».

– Уговори его надкусить второе яблоко, и он признает в тебе госпожу.

Ева, не раздумывая, сорвала одиноко болтавшийся на ветке плод и сказала:

– А если откажется?

– Просто сунь ему яблоко под нос, – прошипел Змий.

– И сработает?

– Увидишьшшшш...

Отец, родивший не только Адама из глины, а Еву из ребра, но и мириады звезд, наблюдал за синтезом человеческих душ, путем слияния легких, чистых первоначальных в более тяжелые, обремененные связью друг с другом и выделяю-

щие при этом будущее. В Его непостижимом Сознании среди неисчислимого количества догм растворилась одна, объявленная ранее:

– Мы все заблудились.

Его Бесконечное Восприятие оформило выход из этой триады, оставив саму догму в неизменном виде для нарождающегося человечества.

Да буде сие их Крестом, ибо входящий на Свет Божий Заблудший сотворит в себе Героя через преодоление, осознание и приятие.

Адам надкусил яблоко и... улыбнулся. Ева, хлопнув в ладоши от радости, улыбнулась в ответ, а на Вершине Рая, поглаживая желтоглазое трепещущее колечко, растянулся в улыбке Отец.

Желание

Душа предстала перед Богом – в этом предложении все слова перепутаны местами. При приближении к Истоку материя любой плотности, вплоть до огненного тела, распадется на составляющие, если только не будет со-звучать Энергии Чистой Любви, а это уже сам Бог. Посему Он, желая иметь подле себя нечто, уплотняет свою Суть до соответствующих вибраций, и в таком случае истиной будет выражение: «Бог предстал себе Душу».

Если мой дорогой читатель пожелает заглянуть за завесу слов, дабы умозреть прочитанное, ему придется потрудиться напрячь свое воображение и представить белый пульсирующий Свет вокруг себя, яркий настолько, что вы зажмуриваетесь, но это не помогает, закрываете глаза руками, и снова ничего. Чистый Свет везде, вы погружены в него, вы сами становитесь Светом.

Искренние слезы ребенка, разбившего любимую мамину чашку и не признавшегося в содеянном сразу, но уличенного в неправде позже, посещают вас. Обильное истечение внутренних соков уместно сейчас, ибо душа облегчает так свой вес перед Невесомым, очищает каждый свой порок перед Непорочным, приводит свое одеяние в соответствие Случаю.

– Не плачь, это всего лишь чашка, – успокаивает мама.

– Твоей вины нет, это просто часть Неделимого, – говорит Бог.

Свет пульсирует внутри, ваши циклы (дыхание и кровообращение) подстраиваются под его ритм, наступает Гармония. Мама, прижав вас к себе, гладит непослушные кудри нашкодившего непоседы, Бог, длань свою распростерев над точкой пространства, что занята сейчас Душой, говорит (вы не слышите голоса как вибрацию воздуха, его здесь нет, но осознаете обращенную к вам информацию всем нутром):

– Я погружаю тебя, Душа, туда, к чему ты не готова. Я надеяю тебя, Душа, тем, что будет обременять тебя. Я забираю у тебя, Душа, то, что принадлежит тебе, пусть и на время. Но, забрав и не дав ничего взамен, Я нарушу Баланс, то есть Себя. Посему любой дар Мой пред тобой. Желай.

Поднесли муравья к электромагнитной пушке и сказали: «Стреляй». «И ведь стрельнет лет так тысяч через пятнадцать», – подумала не без сарказма Душа.

– Пройдя такой Путь, способный на выстрел муравей не сделает его, – зашумело внутри Души.

«Это Бог говорит», – решила Душа и спросила:

– Почему?

– Поумнеет, – ответил Бог.

– Я, видимо, глупая, – срефлексировала Душа, – нахожусь подле Бога, а думаю Бог знает о чем.

– Конечно, знаю, и ты совсем не глупая, – отозвался Бог

учащенной пульсацией Света.

– Мам, прости, – говорите вы матери, зная, что уже прощены, – я не нарочно.

– Конечно, не нарочно, – чмокает вас мама в макушку, – и не думай о разбитой чашке, она – вещь, созданная Человеком, а ты – Любовь, сотворенная Богом, а на Бога не сердятся, и Бога не обменивают на вещи.

– Ну что, будешь думать? – спрашивает Душу Бог. – Мне так хочется одарить тебя.

Душа счастлива сейчас, в единой пульсации, в едином Свете, в единой Любви.

– Мне ничего больше не надо, – кричит она, – только будь со мной.

Вы крепко обнимаете мамину шею, уткнувшись носом в пахнущие хной волосы, закрываете глаза, полные слез, и не хотите шевелиться, пусть так будет всегда.

– Я с тобой, мы не разделимы, – говорит Бог, – но для единения требуется разъединение, расхождение. Я Един (начитанный читатель не забыл о первой заповеди), а посему для воссоединения Себя с Собой сотворил деление на тебя и Себя. Не нарушай Баланс, желай.

Мама через некоторое время оторвет вас от себя:

– Мне тоже не хочется отпускать тебя, но мир ждет твоих подвигов и провалов, твоих слез и улыбок, твоих вопросов и ответов, твоей крови и пота, в общем, тебя. Я не могу лишиться мир всего этого и не хочу лишать тебя всего мира.

– Но почему, мамочка? – обиженно хлопаете вы себя по бокам.

– Потому что мир ожидает и меня, а с висящим на шее грузом, увеличивающим свой вес день ото дня, мне будет несподручно совершать и подвиги, и ошибки, но обещаю всегда быть рядом, в своих мыслях и твоём сердце.

Душа готова разрыдаться. Состояние покоя, уюта, тепла, любви, ощущения Дома не будет вечным. Сейчас нужно чего-то пожелать, получить это желаемое, и Бог отдалится в свой Горний Мир, а обладательница Божественного дара вернется к своему уровню вибраций, напялит тяжелые ржавые латы и неудобный, давящий на уши шлем, у которого, кстати, не держится забрало. Творить историю вслепую – занятие не из приятных, что пальцы, знавшие только прикосновение шелка и атласа, погрузить в грязь придорожной канавы, куда уронил золотой ключик от Собственной Судьбы. Необходимость поиска пересиливает отвращение от действия, но не умаляет страха перед неизвестностью.

«Чего же пожелать мне у ворот Прыжка, – думает Душа, – имеет ли смысл любая воля приговоренного к казни, когда голова лежит на плахе и неудобство позы при большом скоплении людей, пришедших взглянуть на отделение лишней (по мнению некоторых) части от тулова, не рождает никаких эмоций».

– Не все земные воплощения заканчиваются плахой, – прерывает душевные муки Бог, – твоё грядущее точно нет.

Кстати, в истории случались и помилования в момент, когда топор палача готов был опуститься вниз. Ничего никогда не поздно, Время как энергия в моей власти, а значит, немного и в твоей. Думай, чего пожелаешь.

Слова матери успокаивают вас, обида (не на нее, на себя) исчезает, на губах остается солоноватый привкус слез, а на полу осколки чашки. Вы отпускаете мамины руки и начинаете собирать последствия своих необдуманных действий, начинается самостоятельная жизнь. Мама смотрит на вас и улыбается.

– Что тебе хочется, дитя мое? – спрашивает она. – На все тебе мое благословение.

Вы протягиваете к ней ладони, полные фарфоровых осколков, и искреннее прежнего, как умеет только ребенок, отвечаете:

– Хочу, чтобы чашка была цела.

Мамины глаза влажны, но это роса счастья и радости, она кивает головой:

– Непременно будет.

Душа вне раздумий, душа в осознании. Бог приглушает Свет, но Сам остается рядом, всегда. Начинается Погружение. Смыслы, ощущения, цвета, звуки не уходят из Сути, но меняются, тело Души уплотняется. Что же пожелать – торопливо просвечивается на тканимыслеобразования.

– Я не знаю, чего желать, когда у меня есть Ты, а значит, Все, – кричит Душа расплывающемуся пятну Света.

– И все же? – пульсирует далекий маячок.

– Еще раз прикоснуться к Тебе, – наконец выдыхает Душа и втискивается в Эфирный Кокон.

– Да будет так, – слышит она яркий всплеск звезды внутри себя.

Открыв глаза, вы видите улыбающуюся маму, зовущую вас к столу, где все накрыто к чаю – яблочный пирог, маковые баранки и ее любимая чашка, целая и невредимая.

Простое решение

Мыслью ухватись за Слово,
Вытяни из Слова смысл.
Где же взять мне это Слово,
Ведь его рождает мысль.
Ну, тогда придумай Слово,
А ухватишься потом.
Ты меня запутал снова
На решении простом.

1

– Склонись пред Вечностью, песчинка бытия
Несчастный лист, искомканный ветрилом,
Не спрашивай испуганно: кто я,
Тебя к земле прижавший страшной силой.

– А вы, Святой Отец, оказывается, поэт, – сказал я, поднимая с мокрой травы пояс с ножнами, которые использовал в качестве сидалища на привалах. Сами ножны вот уже три дня были пусты. Их содержимое расколол здоровяк, орудующий моргенштерном невероятного размера, выскочивший на меня из леса и первым махом оставивший за своей спиной просеку из молодых дубков. Не пригнись я вовремя, химе-

ры, затягивающие грешников в ад, сами испугались бы эдакого изуродованного чучела: утренняя звезда – инструмент серьезный, мой меч на его пути был просто сухой веткой. Эту версию я заготовил для любопытствующих всех полов и возрастов (если таковые возникнут) на предмет моей утраты. На самом деле свой меч я проспал. Меня сморил сытный ужин (ломоть черствого хлеба и кружка воды) да долгий дневной переход через горный хребет. Я встретил рассвет под раскидистой ивой без меча, походной сумки с провиантом и запаса арбалетных болтов (сам арбалет висел на ветке, не замеченный ночным вором). Мне бы расстроится, но подумалось: «Слава всем святым, оставили в живых», и, прихватив бесполезное оружие, я тронулся в путь.

В самый что ни на есть полдень того дня, о коем беспрестанно напоминало солнце, изрядно припекавшее макушку, я вышел к вересковому полю. Лилово-розовые волны, доходившие до пояса, сковывали движения, сонмы пчел, занятых опылением, грозили разукрасить мою физиономию не хуже существующего в официальной версии моргенштерна, а висящий над верещатником терпкий аромат слезил глаза. Одной рукой я отмахивался от жужжащих тварей, другой тер глазницы – крохотный шлюп, вынужденный сопротивляться океанской волне сломанными веслами. Проморгавшись в очередной раз, сквозь вересковую слезу и рой мечущейся передо мной живой шрапнели, я заметил черную гору, наперерез приближавшуюся ко мне. Казалось, грозный риф, окру-

женный шапкой пенных брызг, сам искал встречи с несчастным суденышком, и без того обездоленным (обезвесельным) штормом.

Я остановился, наново протер глаза рукавом, снял с плеча арбалет, взвел его и, не вложив болта по причине, ранее мной описанной, направил на гору.

– Стой и назовись, – прокричал я, стараясь придать голосу уверенности и хрипотцы.

Гора остановилась в футах ста от меня и насмешливо пробасила:

– Ты, мой юный друг, видать, по всему большой волшебник, что приготовился стрелять воздухом.

Я опустил арбалет, а гора дружелюбно скинула капюшон, обнажив коротко стриженные рыжие волосы, накрывавшие круглую, как ядро, голову с большими синими глазами и широко улыбающимся ртом.

– Я монах, – сказал человек и, сделав шаг навстречу, продолжил, – можешь не бояться меня.

Так я познакомился со Святым Отцом. Мой неожиданный товарищ являл собой личность загадочную (помимо деревянного креста на необъятной шее, под рясой к поясу был приторочен огромный меч, больше подходивший рыцарю, нежели монаху), да и говорил он в основном загадками.

– Имени твоего не спрашиваю,

Ни к чему оно мне,

А начну мысль вынашивать,

Так гореть мне в огне.

Вот так приветствовал меня монах, обрушивая без остановки свою полустихотворную болтовню:

– И путь твой куда, знать не хочу, не доверяй свою голову палачу.

– А куда идешь ты? – спросил я, желая заткнуть рот святейшего хоть на миг.

Попытка добиться недолгой тишины провалилась.

– Не ты, а Святой Отец,

Обращайся ко мне только так, наглец.

– Но ты сам назвался монахом, – возмущенно отреагировал я на несправедливое его замечание.

– То было время, когда звался монахом,

Теперь это имя посыпано прахом.

– И все же, Святой Отец, куда ты шел? – сказал я, продолжая движение через кустарник.

– К тебе навстречу через лес

Привел меня Отец с небес.

Я с опаской поглядывал на своего спутника, который как ни в чем не бывало шагал рядом, полами рясы вздымая лиловые облака соцветий вереска и тысячи пчел, удивительным образом не обращавших не него никакого внимания. Некоторое время мы молчали, я, погруженный в раздумья о превратностях судьбы, подбрасывающей неожиданные сюрпризы вроде этой встречи, Святой Отец, улыбающийся неизвестно чему, буркающий под нос что-то вроде:

– Ногам моим неведом сон, когда идем с тобой вдвоем.

К вечеру вересковая пустошь наконец-то закончилась, впереди виднелся дубровник, полный тенистых лощин, звонких ручьев и сладкого оленьего мяса (тут мне пришлось вспомнить о пропавших болтах).

Монах, извините, Святой Отец, будто читал мои мысли:

– Не зря оружия лишен

Во сне, ну как же ты смешон,

Нельзя идти тропой Богов

Вооруженным до зубов.

– О чем это ты? – переспросил я, начиная привыкать к его манере вести диалог. – Не хочешь ли сказать, что обокрали меня правильно?

– Ненужный инструмент отбрось,

Вы с ним отныне врозь.

– Тьфу, – сплюнул я с досады, – намекаешь на арбалет, да что мне теперь, с голыми руками остаться.

– Волшебник, что стреляет пустотой,

Сам на вопрос ответил свой.

Гора улыбалась во весь рот (а он у него был не маленький, как расщелина), сверкая синими бездонными глазами.

– Зачем же ты сам таскаешь тяжеленный меч? – упрекнул я своего безупречного товарища. Святой Отец тут же распахнулся, вытащил из-за пояса смертоносную сталь и, приняв боевую позицию, высоко поднял над головой меч двумя руками – такой боец мог сломать любую защиту. И снова

прозвучала скороговорка:

– Железо предаю земле,
Войди туда, откуда вышло,
Лежи и, чтоб тебя не слышно,
Застынь среди корней во мгле.

После чего он вогнал меч прямо возле своих ног в мох по рукоять, а затем, склонившись, уперся ладонями и надавил всем телом – ворсинки сизого ковра сомкнулись над грозным оружием.

Святой Отец распрямился и, улыбаясь, произнес:

– Он мог защитой стать твоей,
Но ты судьбу его решил иначе.
Молись теперь, мой друг, сильней,
Проси не злата, но удачу.

После такого демарша мне ничего не оставалось, как расстаться с арбалетом. Так же эффектно всадить его в землю или забросить на крону самого высокого дуба, переломав при этом ветви, что попадутся на пути, мне явно не хватило бы физических сил, я просто повесил его на ближайший сук.

– Ты доволен? – обратился я к горе, обряженной в рясу.

– Нет, – ответила гора, и улыбка при этом не покинула своего привычного места, – но мы можем идти.

– Но ты даже не спросил, куда я вообще направляюсь, – возмутился я, – и чего это ты вдруг заговорил нормальным языком?

– Твой путь известен и недолог,

Уже сидит в засаде враг.

Я обомлел. Получается, он знает, куда и зачем я иду, по крайней мере, что сообщение, известное мне, важно и для своих, и для чужих.

– Кто же ты на самом деле? – выдохнул я. – И зачем лишил и меня, и себя последней защиты, коли ведомо тебе так много.

– Я вторгнулся в предел иной,

И нет свободы за спиной.

– Опять говоришь загадками, – угрюмо произнес я, – ладно, надо готовиться к ночлегу.

– А ночлег давно готов

В стенах тысячи стволов, —

не раздумывая оттарабанил гигант-весельчак и бухнулся на траву. Секунду спустя спальня тысячи стволов начала сотрясаться от его храпа. Под этот грохот, весьма точно копирующий канонаду осадных орудий, я уснул только под утро.

2

Глава Рода ждал, когда заполнятся ячейки Хрустальной Сферы отпечатками душ тех, кого он созвал на Родовое Вече. Кармическая ценность ситуации казалась ему столь велика, что он переменял первоначальное решение созвать Вече Деревянной Двери (двенадцать колен рода) и собрал Вече Железной Двери (двадцать четыре колена). Теперь, обзоре-

вая количество входящих, а это уже были составные части не одной, а нескольких Божественных монад, Глава засомневался в правильности и необходимости столь представительного собрания.

Сфера заполнилась. Держатель Рода активировал Звезду Рода, коей был помечен, и оказался в центре Сферы.

– Я – Глава Рода.

Ячейки Сферы озарились зеленоватым светом согласия с произнесенным.

– Наш Славный Род от Сотворения, – продолжил Глава, – в земном воплощении имеет одного представителя Сейчас.

Сфера вновь осветилась зеленым.

– Кармическая траектория этой души может прервать цепочку по крови. Воплощенный выбрал короткий Путь, его ждет смерть в юном земном возрасте. Род прерывается.

Ячейки Сферы заморгали оранжево-красными сполохами возмущения и гнева, хотя общий фон оставался сине-спокойным.

– Зачем ты собрал Вече? – прозвучал голос. – Такой исход Рода предусмотрен Законами и Принципами Универсума. Чего ты хочешь?

– Нужно продолжить Род, – Глава усилил сияние Родовой Звезды, – у нас есть Великие Воители и Мудрые Короли, Клирики высшего уровня и поэты, чье Слово чтут до сих пор.

– У нас есть разбойники и нищие, – раздался голоса, –

насильники, братоубийцы и палачи.

Сфера заиграла всеми цветами радуги, полный спектр эмоций выплеснули отпечатки душ на Главу Рода, он же, непоколебимый, продолжил:

– Мы не дали миру Мессию.

Сфера моментально потухла, белое сияние озарило без исключения все ячейки. Повисла тишина, которую прервал осторожный голос:

– Что ты предлагаешь?

– Изменить кармическую траекторию воплощенного.

– Но как? – вскричало несколько голосов.

– Создать Голема Рода и материализовать его на земной план.

Сфера погрузилась в сероватую пелену нейтральности и молчания. Наконец голос задал вопрос, сформировавшийся у большинства:

– Изменение кармической траектории – это нарушение Закона. Род должен будет скомпенсировать такой шаг. Материализация вне Создателя – дематериализация внутри Него. Ты думал об этом?

Глава Рода, выдержав паузу, еще ярче воссиял Звездой Рода:

– Я как представитель материнской линии для женской половины Голема предлагаю себя. В одном из воплощений не арием, я имел физически развитое тело монаха, пусть Род возьмет его. Что ответит ветвь по отцу?

Та половина Сферы, что была занята отпечатками душ со стороны отца воплощенного, окрасилась в фиолетовые цвета обсуждения. Живые волны пробежали по ячейкам, накачивая от центра полусферы к периферии и обратно, пока не блеснула зеленым огоньком одна из ячеек:

– Я великий Воин азиатского племени, стоящий на четырнадцатой ступени Рода, забравший сотни чужих жизней, готов отдать свою.

Глава Рода, сменив ярко-белый цвет Родовой Звезды на ослепительно-зеленый луч общего согласия, провозгласил:

– Да будет рожден Голем Рода из двух жертв по линиям отца и матери, и войдет он на земной план в облике Монаха с Мечом, дабы поучать и защищать для продления Славного Рода от Создания. Аминь.

Сфера растворилась вместе с отпечатками душ и принятым решением.

3

Утро началось с головокружительного кульбита, выполненного моим еще спящим телом при помощи руки-рычага Святого Отца. Я не успел ни проснуться, ни опомниться, ни толком открыть глаза, как уже стоял на ногах, а мой товарищ, по обыкновению, широко улыбаясь, тряс надо мною мокрую от росы ветку осины.

– Вставай, кто первый луч проспал,

Не жил, не верил, не мечтал.

– Отнюдь, – проворчал я, вырываясь из-под хохочущего душа, – мечтаю об оленине и верю в кусок хлеба, дающего жизнь.

Гора хмыкнула и торжествующе произнесла, протягивая мне извлеченную из бездонных складок рясы азиатскую лепешку:

– Жизнь не в хлебах или в воде,

Ищи ее в самом себе.

Я с удовольствием подкрепился хлебом, на вид которому было тысячу лет, но, на удивление, мягким и сытным. Мой спутник кушать не стал, повертел половинку, отломанную мной для него, и спрятал обратно в своих одеждах.

– Кого мать не носила на руках,

Тот не нуждается в хлебах.

– Странный ты, Святой Отец, но я привязался к тебе, хорошо, что мы встретились. Если не будешь есть, тогда надо трогаться.

Я сверился с солнцем и двинулся на север, моя ручная гора тихонько следовал за мной, как на привязи, и до полудня не издавала никаких звуков, но стоило нам приблизиться к опушке дубровника, Святой Отец резко преградил мне путь:

– Дорога, что избрал, – на смерть,

Сверни, и будешь жизнь иметь.

– Ну послушай, – занял я, – полдня прыгать через корни, отбиваться от мошки и торчащих, как копыя, веток, вся фи-

зиония в паутине, и вот впереди поляна, где я могу отдохнуть, согреться на солнце и поесть ягод, а ты – смерть, жизнь.

Святой отец молча положил свою гигантскую пятерню на мой рот, а другой указал в сторону густого кустарника, чуть выступающего из леса к середине лужайки. Я вгляделся в шелестящие переливы листвы, но ничего подозрительного не заметил. Гора мягко оторвала меня от земли и бесшумно, именно бесшумно, понесла в обход кустарника (поразительная способность не ломать веток и не приминать траву телом столь внушительных размеров уже приводила меня к размышлениям на тему, кто же он такой). Обойдя кустарник с тыла, мы зависли над мхом, и я четко разглядел четырех вооруженных людей, пристально наблюдающих за лесной поляной.

В своем бесшумном стиле мы оставили их общество незамеченными и довольными собой. Отдалившись на достаточное расстояние, Святой Отец опустил меня, и я спросил:

– Так кто ты, мой ангел хранитель?

– Я той же кровью полон, что и ты,
Хотя рождением обязан двум смертям.

Я воплощаю прошлого черты
В обмен на цену выбранным путям.

– Ты ведь не от мира сего? Не отвечай, иначе еще больше запутаешь меня.

Я раздумывал о произошедшем, пронизательность и невесомость Святого Отца давали волю воображению, кото-

рое взмывало ввысь, но упиралось в невидимый купол моего ограниченного сознания и снова возвращалось вниз. «Если бы не помощь с его стороны, можно было подумать о черной магии», – вертелось в голове.

– Ты и прав, и не прав,

Как и те, кто в кустах.

– Оправдываешь людей, устроивших засаду на меня? Друг ты мне или враг?

– Враг или друг —

Замкнутый круг.

Гора заколыхалась от смеха.

– Ладно, – махнул я рукой, – надо идти, остался день пути, поторопимся.

В спину мне полетело:

– Нет и полдня, мой друг, у тебя.

Но я уже не слушал, день заканчивался мелким противным дождем и свистящим в левое ухо западным ветром, надо было искать место ночевки.

4

– Склонись пред Вселенной, песчинка бытия...

– А вы, Святой Отец, оказывается, поэт...

После утреннего обмена любезностями мы не произнесли ни слова. Я двигался по знакомым местам, уверено ориентируясь меж холмов, лишь изредка поглядывая на положение

светила. Вот впереди двугорбая вершина с одинокой обугленной после удара молнии сосной, перевалимся через нее, и мы на месте.

– Святой Отец, а ведь надули мы недругов своих, и все благодаря тебе, – я повернулся к своему спасителю, но того не оказалось рядом: черная гора, размахивая широкими полами-крыльями, неслась навстречу четверке всадников, приближавшихся к нам с подветренной стороны.

– Не дай моей смерти впустую пропасть,
Не лезь без оглядки в раскрытую пасть, —
еле донеслось до меня.

Я помчался к вершине что было сил. Перед тем как свалиться к реке, я обернулся взглянуть на своего товарища. Двое коней были без седоков, один из нападавших размахивал мечом вокруг горы, утыканной стрелами, но еще живой, подвижной, сопротивляющейся.

«Будь у него сейчас меч, – кусал я губы в отчаянии, – я виноват, и нет мне прощения». Пока я корил себя за безверие, четвертый всадник галопом летел прямехонько на меня. Даже с этой точки я в два счета унял бы его прыть, будь при мне арбалет, но...

Я кубарем скатился к реке и, изнемогая от бессилия, побежал к спасительному мосту (вооруженному наезднику понадобятся время спешиться и определенная сноровка экипированным догнать меня на шаткой конструкции).

Сзади слышался короткий свист, и арбалетный болт,

раздробив мне позвоночник, вылез из шеи вместе с кадыком. Всадник и не собирался делать то, что я представлял себе в последнюю секунду. Он развернул коня и шагом тронулся к товарищу, заканчивающему дело с огромным, обряженным в рясу монахом.

5

Я открыл глаза от капель, падающих с листьев, дождь шел, видимо, давно. Трава, как и одежда на мне, вымокла, туман разлился по лесу серой периной, и мне пришлось изрядно повзбивать перину, прежде чем я нащупал пояс с ножами и мечом в них. Подпоясавшись, я снял с ветки арбалет, закинул его за спину, заодно проверив сумку с болтами – две дюжины были на месте. Засунув черствую корку в рот, я было засобирался идти, но что-то не давало сделать шаг. Сон. Мне вспомнился сон, я шел на войну, я нес приказ о начале войны, чужой приказ, но нес его я. Я отправился за славой, но нашел смерть. Приказ, который доставлю я, отправит тысячи людей на погибель. Они пойдут не по своей воле, зачем же я выбрал этот путь добровольно?

Я вынул из ножен меч и закинул его в кусты бузины, подумав, расстегнул походную сумку, и арбалетные болты дружной стайкой отправились туда же.

«Арбалет выбросить жалко, – подумал я, – а без болтов это не оружие».

Решение было принято мгновенно. Я развернулся на восток, где в милях десяти от меня прятался среди холмов монастырь Святого Патрика. Ближе к вечеру я постучал в дубовые двери. Створку отворил внушительных габаритов монах, который, оглядев меня с головы до ног, насмешливо заметил:

– По всему видать, нас посетил большой волшебник, умеющий стрелять воздухом.

Я снял арбалет и притулил его к монастырской стене:

– Прошу приюта и защиты.

Монах, улыбнувшись, кивнул головой и спросил:

– Знает ли молодой человек, что, переступая этот порог, он накладывает на себя обет безбрачия?

– Знаю, – ответил я.

– Есть ли у тебя братья? – поинтересовался монах.

– Нет, я единственный ребенок своих родителей.

– Здесь закончится род твой, юноша. Если готов, входи, брат.

Я, не раздумывая, сделал шаг.